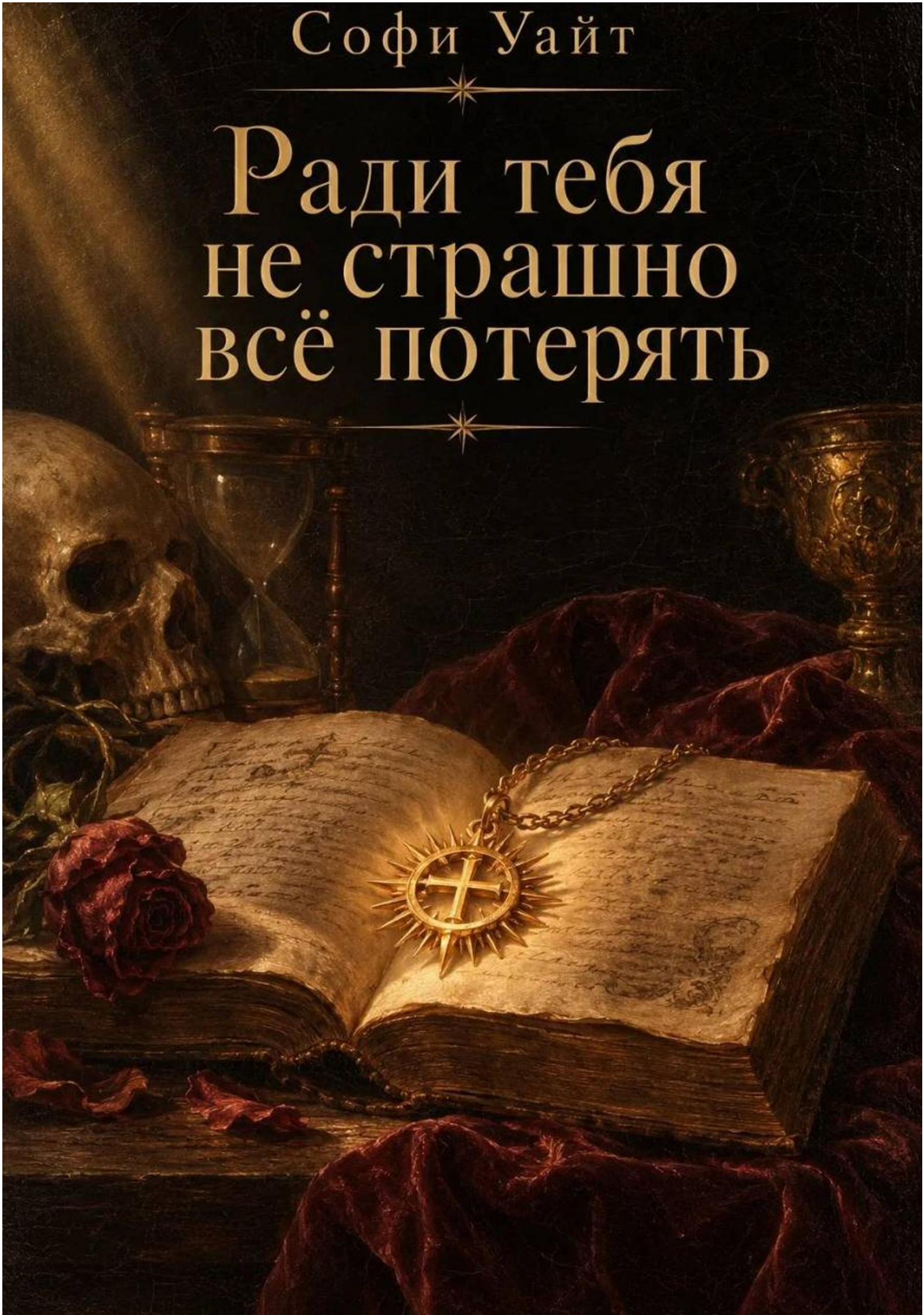
Софи Уайт

Ради тебя не страшно всё потерять



Софи Уайт

Ради тебя не страшно всё потерять

«Автор»
2026

Уайт С.

Ради тебя не страшно всё потерять / С. Уайт — «Автор», 2026

«Ради тебя не страшно всё потерять...» - это не просто слова из письма. Это цена выбора, который меняет жизнь навсегда.Двое влюблённых, которые открыли друг другу сердца на пороге катастрофы. Он вынужден отправиться на фронт в качестве военного корреспондента, чтобы запечатлеть след, который война оставляет на человеческих судьбах. Она — оставляет священный сан Богини Солнца, срывая с себя символы веры ради земного, всепоглощающего чувства.Теперь её мир сжался до маленькой квартиры, залитой солнечным светом, аромата специй, его стихов и томительного ожидания. А его мир расширился до чужих, беспощадных и неприютных земель, где каждый день может стать последним. Что окажется сильнее: неугомонный шум войны пожарищ или исцеляющая, преданная любовь?

© Уайт С., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1 5
Глава 2 12
Глава 3 19
Глава 4 27
Конец ознакомительного фрагмента. 40

Софи Уайт
Ради тебя не страшно всё потерять

Глава 1

В пабе «Макабр», где половицы каждый вечер скрипят от безудержных танцев, запахи алкоголя и сигаретного дыма давно стали вторым кислородом, а музыка и смех — своеобразным опиумом, несколько мужчин достаточно приличного вида собрались вокруг хлипенького рояля. Тот, что был моложе всех, — черноволосый, чернобровый и голубоглазый, с пухлыми губами, — мастерски дёргал гитарные струны. Иногда он отрывал взгляд от грифа и с улыбкой смотрел на мужчину за роялем, получая удовольствие от того, как они оба чувствуют музыку и безошибочно находят нужные ноты. Пианист был постарше его года на четыре, симпатичный, темноглазый шатен. У него были сильные руки, ловкие пальцы и приятный голос, в котором не проскальзывало ни одной фальшивой ноты. Остальные дружно подпевали, одобрительно хлопая его по плечу или выщёлкивая пальцами ритм.

Когда песня закончилась, зал взорвался восторженными возгласами и свистом. Пианист подцепил пальцами тлеющую в пепельнице сигарету справа от клавиатуры, затянулся и спешно освободил место за чёрно-белыми клавишами. Задержавшись на сцене, он раскинул руки в стороны, театрально поклонился и махнул своему другу.

— Томми, дружище, ты проиграл мне бутылку лучшего джина!

Он легко спустился с небольшой сцены, выпуская сигаретный дым, и уселся с друзьями из редакции. Сегодня у корректора Эдди Голда день рождения, поэтому вся редакция после окончания рабочего дня собралась в излюбленном пабе, чтобы поздравить коллегу. Им пришлось сдвинуть вместе два стола, чтобы всем хватило места.

— Полно пить, пора ум копить! — фыркнул Томми.

— Дорога ложка к обеду, — отпарировал пианист, потушив сигарету в пепельнице. — Давай-давай, живее!

Журналист нехотя встал, подтянул брюки и нарочито медленно поплёлся к барной стойке. Вся компания весело освистала его. Симпатичная фотограф Марлен Борель встрепенулась и, взглянув на наручные часы, внезапно засобиралась.

— Марлен, что-то случилось? — мягко поинтересовался Эдди.

— Ганна не уснёт, если не дождётся меня с работы, — бросила та, наматывая вокруг шеи шарф. — Она боится темноты.

— Красивое имя, — прищурился пианист.

— Спасибо, Алекс. Ну и ещё раз с днём рождения, Эдди! — Марлен послала всем коллегам воздушный поцелуй. — До понедельника!

Девушка, изящно обходя столики, ненадолго задержалась возле барной стойки, прощаясь с Томом. Тот, кажется, был очень удивлён её скорым уходом, поэтому за стол вернулся в полном замешательстве, зато с бутылкой джина. Алекс стянул с плеч подтяжки, внимательно наблюдая за другом, а потом потушил сигарету в пепельнице, коснулся его плеча и с участием спросил:

— Томми?

— Хм? О, не обращай внимания, я просто чувствую себя виноватым перед Марлен. Всё-таки это я затащил её сюда, позабыв о том, что дома её ждёт дочка.

— У-у-у, кажется, кто-то расстроился посильнее её дочки! — Софи улыбнулась, хлопая глазками и прижимаясь плечом к коллеге. — Может, попросишь Марлен и тебе почитать сказку на ночь?

— Софи, прекрати, — добродушно фыркнул Эдди. — Все знают, что Томми и Марлен связывает многолетняя дружба. И только дружба, верно, Томми?

Том отмахнулся, негласно предлагая забыть об этом, и повернулся к Алексу, понижая голос для частной беседы:

— Где ты научился так играть и петь? Мы работаем с тобой уже пять лет, а я только сегодня узнал об этом.

— Вообще-то я не привык говорить о своих талантах. Я рос в очень религиозной семье, Томми, где запрещалось читать что-либо, кроме молитв. Когда мне исполнилось семь, отец с матерью отдали меня в церковную семинарию, хотели, чтобы я стал сельским священником...

— Постой, я не совсем понимаю... — нахмурился Том, не сильно разбирающийся в религии. — Разве этот сан носят не женщины?

— Только в главных, столичных или городских храмах. В сельских часовнях служат мужчины. Я отучился в семинарии до шестнадцати лет, пока не понял, как сильно мне нравятся поэзия, литература и музыка. Искусство. Я пел в юношеском церковном хоре и играл на органе. Оттуда и таланты. А выгнали меня... Хотя нет, я сам сбежал из-за...

За столом стало тихо. Алекс резко замолчал и покосился на коллег. Эдди и ещё один корректор, Луис, с укором посмотрели на мужчин, а Софи недовольно сложила руки на груди:

— Ну? Чего замолчал? Нам всем интересно!

— А почему рюмки пустые?! — пошёл в наступление Алекс, добавляя голосу претенциозные нотки, а потом демонстративно стукнул пустой рюмкой о центр стола. — Наливай! Эдди, пьём за тебя!

Коллеги подняли тост и в один глоток осушили рюмки. Эдди поморщился и, потирая ладони, забегал глазами по столу в поисках закуски. Луис закашлялся от крепости джина и тут же затянулся сигаретой, Софи сразу же захватила кусочек картошки по-деревенски, а Алекс, охрипнув от неприятного жжения в горле, улыбнулся Тому, который так и не притронулся к алкоголю.

— Специально выбрал самую дешёвую дрянь?

— Ты за кого меня принимаешь?! Это самый дорогой джин!

— Чёрт с этим джином! — отмахнулся Эдди. — Раньше пили сéкунжу — вот это жидкая нефть! Этим дерьмом можно было заправлять машины...

— Кстати, вы слышали о ситуации в королевстве Одэкоте? — Луис придвинулся ближе, пряча руки в подмышки, и понизил голос. — С каждым днём солдаты их чокнутого короля всё ближе и ближе к границе Эдельвейса. Чувствую, что войны не избежать...

— А нас-то это как касается? — подняла брови Софи.

Мужчины угрюмо промолчали, потом Том пояснил:

— Наша типография — одна из крупнейших во всех королевствах. Если между Одэкотой и Эдельвейсом начнётся война, нас одних из первых отправят туда в качестве военных корреспондентов. Не хотел бы я снова застать войну... Лу, а что слышно про мистера Янна? Говорят, он собрался на заслуженный отдых?

Софи хитро прищурилась:

— А может, лучше спросить у Алекса? Мистер Янн недавно вызывал его на какой-то очень важный и сугубо конфиденциальный разговор...

Алекс усмехнулся:

— Мистер Янн действительно уходит. И он предлагал мне свою должность, — заметив, как лица всех присутствующих изумленно вытянулись, мужчина поспешил добавить: — Но я отказался.

— Что?!

— Почему?

— Потому что в типографии есть человек, который достоин этой должности больше меня, — улыбнулся Алекс. — Скоро всё сами узнаете.

И пока коллеги через спор пытались выяснить, кого же после себя на месте главного редактора оставит Оллард Янн, Алекс невольно погрузился в воспоминания, о которых пару минут назад рассказывал Тому. На его лице заиграл коктейль из самых разных эмоций: радость от ностальгии, благоговение, паника, страх, боль... Мужчина зажмурился и сделал глубокий вдох. Нет, это он вспоминать не хочет. Но что же ещё запряталось среди тёплых чувств? Что-то приятное, трепещущее...

— ...Благодарен вам, что мы продолжаем собираться вместе. Надеюсь, новый главред не упразднит такие встречи, — донёсся до Алекса голос Эдди. Тот надел пальто, махнул всем на прощание. — Всем пока! Спасибо ещё раз!

Далее исчез Луис, за ним — Софи. Когда Алекс достал очередную сигарету, Том спросил у него:

— Что думаешь насчёт Одэкоты?

— Я удивляюсь тому, каким терпением обладает молодой король Эдельвейса...

— Ты же знаешь, что я не про это, Алекс.

Они вдвоём похватали пиджаки, пальто, сумки и, покинув паб, вместе побрели по ночным улицам.

— А что тут думать, Томми? Если меня отправят — а меня, должно быть, отправят, — то я поеду. Таков мой долг как журналиста, — пожал плечами Алекс. — Мне терять нечего: у меня нет жены, нет детей, *в данный момент* нет любовницы, нет даже собаки, а родители... Хотел бы я хоть раз в жизни познать, что такое родительское тепло. А там я буду нужен. Там я буду важен.

— Не знал, что ты такой альтруист. Пожалей бедных официанток и монашек — они без ума от тебя! Кто им будет читать стихи?

— Тут ты прав, в стихах я очень хорош. Однажды это стоило мне здоровья...

— Расскажи.

Алекс нырнул рукой в карман в поисках сигареты, но потом отчего-то передумал и вздохнул, замедляя шаг:

— В те времена у общежития мальчиков и общежития девочек была одна настоятельница — Патриция. Поверь, Томми, если бы Тьма[1] имела человеческую ипостась, то ею была бы Патриция. Эта женщина могла лишить ребёнка завтрака, если он забывал хотя бы одно слово в утренней молитве, могла ударить по рукам, если случайно ронял свечу на пол, а если она находила в комнатах что-то противоправное: сигареты, комиксы, настольные игры по типу шахмат, заколки для волос, средства личной гигиены, — могла и высечь.

— Она запрещала писать стихи, я правильно понимаю? — осторожно предположил Том.

— О-о-о, стихи она особенно не любила. Она их ненавидела! — зловеще улыбнулся Алекс. — Считала, что если ребёнок пишет стихи, то ему нашёптывает сама Тьма.

— Но молитва — это тот же стих, разве нет?

— Нет. Молитва — это поклонение. В отличие от стиха она лишена эмоциональной окраски, метафор, гипербол и прочих стилистических приёмов. Поэты пишут молитвы отцам, матерям или, если угодно, своим музам, вот только это будет стихотворение, потому что мы не можем безэмоционально говорить о тех, кого любим. Молитву произносят монотонно, на одной ноте, а стих можно рассказать, прочитать, спеть в конце концов... Так я и попался.

— Тебя высекли?

— В первый раз я попался во время завтрака на языческом стишке:

[1] Тьма — сущность, выступающая полным сюжетным и метафизическим антиподом Богини Солнца.

Луноворот [2] *, Луноворот,*
От двери до ворот,
Любой нечисти ты
Дай отворот-поворот!

Настоятельница дала мне ложкой по лбу так, что у меня искры из глаз посыпались, а потом ещё две недели я ходил с синяком. Затем, помню как вчера, она поставила меня на горох за петарду, подброшенную в кубок на причастие. Я простоял на коленях весь день, без остановки читал молитву Светлоликой, а когда вечером Патриция наконец отпустила меня, мне казалось, что горошины впились настолько, что катались под кожей поверх коленной чашечки при каждом шаге.

С розгами я познакомился в четырнадцать, когда всерьёз увлёкся стихами. Один раз настоятельница высекла меня прямо на глазах у девочек. Прямо оттуда я убежал в сад и не выходил до сумерек...

— Неужели во всём храме не нашлось никого, кто бы тебя хоть как-то защитил? — воскликнул Том, шокированный рассказом. — Тогдашняя аббатиса, например?

— Вообще-то ребята мне сочувствовали, девочки иногда подбадривали, но только тогда, когда Патриция не видела. Никто не хотел попасть под горячую руку. А аббатиса Вильгельмина была занята воспитанием своей преемницы, — Алекс усмехнулся. — К слову о последней. Мне пришлось отречься от веры, но когда Патрицию упекли за решётку, а общежитиям дали разных настоятелей, аббатиса Вальмира сняла с меня все обвинения.

Том заметил, как смягчились голос и взгляд друга, стоило упомянуть аббатису, а на губах появилась добрая улыбка, как когда вспоминаешь о чем-то хорошем. Они остановились на перекрёстке, где им суждено было разойтись в разные стороны, и Алекс по-дружески хлопнул Тома по плечу:

— Спасибо, что выслушал, хоть я и не люблю вспоминать о том времени. Хороших тебе выходных, Томми.

— И тебе, Ал, — улыбнулся тот.

Алекс спрятал руки в карманы пальто и поёжился от промозглого воздуха ночного Аметиста. Где-то вдалеке послышался раскат грома, на небе не осталось ни одной звёздочки, кое-где в окошках домов ещё горел свет. Порыв холодного ветра взъерошил густую копну волос и заставил слегка притормозить на тротуаре.

«Чёрт бы побрал эту погоду! Зря не взял шляпу — всё-таки было бы теплее...»

Он бросил взгляд вперёд, чтобы сориентироваться на улице, но невольно замер, увидев храм, в окнах которого ещё мерцали огоньки. Готические шпили зловеще тянулись к небу, будто хотели вспороть ему — если оно вообще у него есть — брюхо, витражи в отсутствие солнца смотрелись мрачно и отталкивающе, а скрип болтов, на которых держался колокол, был слышен и отсюда. Мужчина, словно в беспамятстве, медленно двинулся ко входу, не сводя глаз с огромного круглого окна, поднялся по лестнице и вошёл внутрь. Храм на ночь не запирали, чтобы бездомные могли получить помощь, если потребуется.

Алекс кивнул монахине на входе, заверил, что помолится и сразу же уйдёт, и прошёл в центр нефа. У алтаря замерла статуя Богини Солнца, раскинувшей руки в стороны, будто была готова обнять и уберечь любого, кто попросил бы об этом. У её ног было огромное количество пустых ячеек под свечки. Алекс взял одну свечу, поджёг её от другой и, устанавливая в пустую ячейку, тихо процедил сквозь зубы:

---

[2] Луноворот — языческий праздник в Аметисте, который отмечают в первое полнолуние сентября. В эту праздничную ночь принято ходить в гости к друзьям и родственникам, дарить первый урожай и угощать выпечкой. Жители деревень мастерят из соломы шары, символизирующие несчастья, и гонят их длинными прутьями через поля к лесам или реке.

— И снова здравствуй, стерва. Хорошо тебе тогда досталось... Скучала по мне?

— Скучала.

Мужчина сначала вздрогнул, не ожидая, что ему ответят, а потом, не отрывая взгляда от статуи, улыбнулся и тихо, почти шёпотом спросил:

— Не спится?

К нему навстречу из тени шагнула аббатиса в нежной лавандовой сутане с колораткой[3] и двумя манипулами[4]. Её руки были сцеплены перед собой в замок, в голубых глазах, полных спокойствия и даже радости, мерцали блики от свечей, роскошные тёмно-красные вьющиеся локоны обрамляли мертвенно-бледную кожу. Аббатисам положено красить волосы в бордовый цвет после первых регул и запрещается гулять под солнцем, чтобы кожа оставалась бледной. Все настоятели и священницы уверяли, что такова воля самой Богини, ведь бордовые волосы и бледная кожа символизируют самую что ни на есть девственность, непорочность, благочестие. Кровь с молоком. Но Алекс всегда считал это придурью сумасшедших и фанатичных старух вроде Патриции.

Он бросил взгляд на зал: монахиня всё ещё сидела в одиночестве у входа, совершенно не обращая внимания на неф, где-то слышались постукивания деревянных ложек о тарелки, тихий плач и разговоры — то кормили бездомных. А когда последняя скамья опустела, храм погрузился в таинственную тишину.

— Сегодня пятница, ты же знаешь.

— Ах да...

По пятницам шли особые, долгие службы, посвященные Всепрощению Богини Солнца, когда каждый человек мог через аббатису покаяться в грехах и получить Её прощение. Чем эта процедура отличалась от исповеди — для Алекса всё ещё оставалось загадкой...

— Что привело тебя в храм, да ещё и в такой поздний час? — Аббатиса прищурилась. — Хочешь заслужить прощение после того, как назвал Богиню стервой?

— Нет. Мне не нужно Её прощение. Я больше не веду праведную жизнь. — Алекс снова поднял глаза на нимб из золота над статуей Светлоликой. — К тому же я от своих слов не отказываюсь.

— В таком случае я помолюсь за тебя.

Девушка поравнялась с ним, изящно очертила знак Соляриса[5] в воздухе, поклонилась Светлоликой, поставила новую свечку и прошептала:

— О святая Дева Солнца, услышь мою молитву за этого грешника. Прости ему его гордость и глупость, ибо не ведает, что говорит...

— Очень даже ведаю!

— ...Да направь его на путь истинный...

— Она направила меня ещё четырнадцать лет назад, — саркастично продолжал мужчина, — пинком под зад, подальше от церкви. Я ещё никогда не был так счастлив, как тогда!

Аббатиса соединила ладони, нахмурила брови и горячо зашептала:

— Сбереги его душу от лукавой, не предавай Тьме, пусть Твоя сила, мудрость и любовь пребудут с ним...

— Мне чужого не над-...

Девушка приложила ладонь к его рту и продолжила молитву. Алекс улыбнулся. Она была так прекрасна, когда молилась! Так прекрасна, что Богиня Солнца усомнилась бы в своём бла-

---

[3] Колоратка — белый жесткий воротничок, являющийся частью богослужебного облачения.

[4] Манипула — часть литургического облачения, узкая полоса ткани, которая надевается на левое предплечье.

[5] Солярис — символ веры, знамение Богини, представляющий собой тонкое кольцо, сотканное из застывших солнечных лучей, внутри которого заключён равноконечный крест. Кольцо символизирует нимб Богини, бесконечность Её милосердия и цикличность жизни, а крест — нерушимый баланс, на котором держится мир. Священницы перед молитвами чертят руками в воздухе только круг.

гочестии! Его рука скользнула по её запястью и мягко отстранила от горячих губ, на которых ещё остался привкус джина. Так фамильярно трогать аббатису запрещалось, но мужчина знал, что она его не оттолкнёт и не прикажет охране вывести его.

— Спасибо, Ваше Святейшество.

— Алек, прекрати, — прошептала та.

— Хорошо. Спасибо, Вальмира.

Её «Алек» приятно отозвалось у него где-то в сердце, так что его «Вальмира» получилось достаточно чувственным и нежным.

— Чувствую запах алкоголя, — заметила девушка, пряча руки за спину, как только он её отпустил. — Мне думалось, что ты всё же ведёшь порядочный образ жизни...

— Праведный, ты хотела сказать? — улыбнулся Алекс и пригладил волосы, отводя взгляд. — Нет, аббатиса. Больше никогда. С той самой ночи — больше никогда. Я свободен. Сегодня у Эдди был день рождения, мы собирались в «Макабре». Хорошее место, этот маленький грязный паб. Меня там обожают. Иногда я там читаю свои стихи по выходным, — он вздохнул и драматично развёл руками в стороны, — но как жаль, что ты заперта в этих холодных, высоких и нудных четырёх стенах...

— Мне не нужно куда-либо идти, чтобы послушать твои стихи. Некоторые я помню до сих пор: «Я памятник себе воздвиг из каменной груды...», — аббатиса запнулась на полуслове, заметив на себе его взгляд, полный презрения, будто она нанесла ему какое-то страшное оскорбление. — Что?..

— «Я высек памятник себе из каменной стены...», — поправил её Алекс. — Впрочем, это не так важно. Слышала про Одэкоту?

— Сейчас каждый третий только об этом и говорит...

— Ходят слухи, что на поле боя могут отправить корреспондентов из нашей редакции.

Вальмира резко подобралась, взгляд её стал колючим, хотя волнение выдавали руки, бесконечно оттягивающие рукава сутаны вниз.

— Только не говори мне, что ты туда собрался! — Она заглянула ему в глаза. — Даже не вздумай!

— Моего мнения никто не спросит, — пожал плечами мужчина, всё ещё наблюдая за плавным танцем теней от свечей. — Мне и самому туда не особо хочется, знаешь ли! Хотя если подумать...

— Нет! — рявкнула аббатиса, и её голос эхом отскочил от стен. — Еще неизвестно, какими способами воюет король Одэкоты. Его королевство давно живёт само по себе! Я видела беженцев оттуда: грязные, измождённые, голодные...

Монахиня на входе, не отрываясь от книжки, приложила палец к губам и шикнула, по привычке призывая к тишине. Вальмира виновато поджала губы и опустила взгляд в пол. Сердце грозилось вот-вот выскочить из груди, на щеках играл румянец, а на лбу выступил пот. Она наклонилась ближе к другу и горячо зашептала:

— Пообещай мне, Алек, что если мистер Янн назовёт твоё имя в качестве военного корреспондента, ты откажешься!

— В чём дело, Мира? — улыбнулся тот, переходя на такой же шёпот. — Боишься за меня?

Аббатиса раздосадованно фыркнула:

— Естественно! Ты же мой друг!

«Ну конечно, друг! — Алекс скривился, передразнивая аббатису в сердцах, и почувствовал неприятный укол в сердце. — Если бы ты только знала...»

Если бы Её Святейшество только знала, что он давно перестал считать её подругой! Друзьям не посвящают такие проникновенные стихи, какие Алекс написал Вальмире, не заклады-

вают в них тайную тоску по невозможной любви и не проводят аллегории между священным саном и каменной стеной.

Улыбка медленно сползла с лица Алекса, его взгляд метнулся к мраморному и беспристрастному лику Богини Солнца, и он сказал:

— Нас всегда учили и учат, что на всё Её воля. — Мужчина снова взглянул на подругу. Ему хотелось увидеть в её глазах хотя бы намёк, что ей по-настоящему страшно за него и что движет ею далеко не дружба. Лукаво подмигнул в сторону статуи. — Простишь Ей, если меня зацепит шальная пуля?

Вальмира затаила дыхание. Сейчас под таинственным и теплым светом, исходящим от свечей, он был похож на демона-искусителя. Он всегда смотрел на неё так, будто всё знал. Знал, что она не настолько благочестивая, чтобы не думать о нём по ночам. Страх сковал её стройный стан, ладони вспотели, а пламя свечей всколыхнулось, но аббатиса разомкнула губы и ответила:

— Я не хочу отвечать на этот вопрос. Уже поздно. Мне... мне надо идти.

— Мне тоже. Я и так пожалел, что пришёл, — он улыбнулся и кивнул на статую. — Терпеть её не могу.

Вальмира поджала губы, резко развернулась и стремительно направилась через длинный коридор в монастырь, а Алекс, бросив прощальный взгляд на её бордовые локоны, рассыпавшиеся по спине, затем на свечу, на своды нефа, на витражи, также поспешил покинуть храм.

Глава 2

Резкий шум за окном заставил Алекса вздрогнуть, и сонливость, настигнувшую его за написанием очередного стиха, как рукой сняло. Дребезжание чего-то металлического за окном повторилось. Мужчина устало потёр глаза, вышел на балкон и закурил. Внизу сновали какие-то рабочие, перетаскивая конструкции к фасаду дома и соединяя их между собой. Журналист выцепил взглядом прораба и, зажав дымящуюся сигарету между пальцами, громко крикнул ему с четвёртого этажа:

— Эй!

Прораб поднял голову и недовольно нахмурился:

— Не отвлекай меня от работы!

— Аналогичная просьба. Я собственных мыслей не слышу!

— Ничего не могу поделать, у нас сроки подходят!

— А я готовлюсь к выступлению!

— Чем ты до этого занимался?!

Алекс стиснул зубы, желваки на его лице зашевелились, руки непроизвольно сжались в кулаки, и с языка сорвалось:

— Маму твою!..

БАМ! Последние слова утонули в очередном грохоте металла, который продолжали носить рабочие. Алексу было плевать, услышал его наглый прораб под окном или нет, он выбросил сигарету, закрыл окно и, не бросив даже взгляда на черновик со стихом, скрылся на кухне.

Мужчина открыл холодильник и угрюмо посмотрел на нарезку из недельного сервелата, остатки хлеба, подвядшие овощи, крошечный кусочек сыра и банку пива. Хлеб слегка отдавал плесенью.

— Чёрт, снова свет отключали, пока я дремал, — фыркнул Алекс, закрывая холодильник и заваривая себе растворимый кофе. — Надо бы сменить районchик. Если так подумать, то за военную корреспонденцию очень хорошо платят...

Алекс знал, что будет одним из тех, кого отправят в Одэкоту. Он был молод, талантлив, крепко сложен, находчив, общителен и эмпатичен. Будь он и сам главным редактором — тоже отправил бы в первую очередь такого молодца на передовую, чтобы статьи получались сентиментальными и живыми. Но если исход известен и он вполне готов к нему, то почему же на сердце так неспокойно? Мужчина пригубил горький кофе и окинул взглядом свою холостяцкую нору: обои на стенах хоть и были чистыми, но кое-где завернулись по краям, от старого потёртого комода, где хранились полотенца, простыни и нижнее бельё, несло настойкой валерианы, а рабочий стол, который, пожалуй, оставался единственной чистой зоной в этой квартире, купался в лучах закатного солнца.

Ему безумно нравилась эта квартира. Сейчас её сдавала начинающая актриса по имени Барна, но когда-то здесь жила живая тогда ещё бабушка Барны. Каждая тарелка с цветочками, каждая вязаная крючком накидка на мебели, каждая фарфоровая фигурка в большом серванте в гостиной, каждый слой бумаги, который прятали под собой обои, хранили в себе историю. А ведь у старушки, возможно, были подруги, подумал Алекс. Они наверняка часто собирались друг у друга в гостях на чаепития, обсуждали последние новости, перемывали косточки молодёжи, громко смеялись и даже пели... Интересно, а те из этих старушек, кто ещё живы, вспоминают хозяйку этой квартиры?

Мужчина замер, занеся кружку для очередного глотка, погладил раскалённым стеклом губы, но отпить не успел — с губ сорвался волнительный вздох.

— Вспоминать, вспоминать... Ты будешь вспоминать обо мне, — начал он бубнить себе под нос, — если... если я внезапно исчезну? Нет... Нет! Уйду! Если я внезапно уйду...

Алекс оставил кружку на столешнице, вернулся в гостиную, схватил со стола блокнот, страницы которого распушились от заполненности, и начал тут же писать. Случайные слова, порожденные мыслями, складывались в рифму, а затем и в четверостишия. Когда были готовы три столбца, он вдумчиво перечитал их:

Ты будешь вспоминать обо мне,
Если я внезапно уйду:
В магазин или к другу, к сестре,
За морошкою в лес поутру?

Ты будешь вспоминать обо мне,
Если в доме вдруг станет темно?
И, мою руку не нащупав во мгле,
Прокричишь ли ты имя моё?

А вспомнишь ли цвет моих глаз,
Мой смех и объятий тепло?
Как я тихо молился за нас,
Чтоб всё было у нас хорошо?

— Вот это я загнул! — усмехнулся Алекс. — Трудно представить, чтобы я молился за одну из тех девушек, с которыми у меня была интрижка... Скажи я им это, они бы рассмеялись мне в лицо!

Фальшиво. Алекс сжал пальцами основание перьевой ручки, не решаясь положить её. Положить перо — спугнуть вдохновение. Таково проклятие любого поэта. Он почесал подбородок, погрыз кончик ручки, подёргал ногой, но перо крепко удержал в руке.

Внезапно его озарило. Ну конечно! Единственная девушка, что всегда молится за него! Память живо нарисовала в его голове стройный стан, бледную кожу без единой царапинки или другого изъяна, глубокие голубые глаза, тёмно-красные волосы и вишнёвые губы. Вальмира. И пока он отчаянно пытался придумать последний столбец и связать его с предыдущими, то невольно провалился в воспоминания о том, как Вальмира всегда за него молилась.

***

Торопливые шаги эхом отскакивали от каменных стен. За окнами было жаркое лето, а посему колоратка иногда прилипала к вспотевшей шее, а колени под сутаной опаляло горячим воздухом. Алекс ненавидел одеяния священников за это.

Сейчас он нёс в комже[6] ароматную клубнику, стараясь избегать вездесущих монашек в коридорах семинарии. Теплица последней вела в небольшой сад, откуда открывался вид на женский монастырь. В мужском монастыре не особо соблюдали правила — Алекс два раза наткнулся на настоятельниц, соврал им, что несёт клубнику хористам, а те благополучно его отпустили. Но клубника предназначалась кое-кому другому.

Юноша выждал, когда в основном коридоре голоса монахинь стихнут, затем прыгнул на подоконник, а с него — через окно в сад. По ту сторону готического, решётчатого, высокого ограждения сидела бледная девочка и нервно ощипывала лепестки ромашки.

[6] Ко́мжа — традиционный элемент литургического облачения. Свободная рубаха из легкой белой ткани, доходит до середины бедра.

— О чем гадаешь? — улыбнулся парень, заставив подругу вздрогнуть. — Уж не обо мне ли?

Девочка обернулась, и сердце Алекса рухнуло куда-то вниз. Он не сразу узнал её: светло-русые волосы, с которыми она ему запомнилась, теперь точно налились кровью. Будущая аббатиса повзрослела. Сейчас в её глазах стояли слёзы.

— Мира, ты чего? — постарался изобразить дружелюбие Алекс. — Очень красивый цвет!

Но та не разделила его настроения.

— Красивый цвет?! Я проснулась среди ночи и обнаружила под собой окровавленные простыни! Это, по-твоему, красиво?! Я... — она судорожно вздохнула, — я так испугалась! У меня ужасно болит живот...

— Что сказала аббатиса?

— Видел бы ты её взгляд, когда я расплакалась перед ней! Она... она так рявкнула на меня, велела с достоинством принять, что в будущем я займу её место, а я... я просто испугалась, Алек! Она тотчас велела монахиням меня покрасить.

— Как люди могут доверять ей исповедь, если она не способна на жалость даже к юной девушке? — поморщился юноша. — Узурпаторша!

— Алек, потише! — охнула Вальмира и вытерла слёзы. — Что ты там прячешь?

— Принёс тебе кое-что. В честь твоего... — он смутился, подбирая слово, — взросления! Это ведь не так уж и плохо, в конце концов каждая девушка проходит через это, что и делает вас всемогущими. Ты просто расцвела, как цветок. У половины хористок ещё даже грудь не выросла...

Вальмира рассмеялась, и этот смех звонкими колокольчиками отозвался в сердце Алекса.

— Я точно попаду в неприятности из-за тебя, Алек! У тебя же язык без костей!

— В этом моя особенность. Ну так что?

Семинарист развернул комжу и подвинулся поближе к ограждению, чтобы подруга смогла дотянуться до ягод.

— Откуда ягоды? — поинтересовалась Мира, осторожно поднося сочную клубнику к своим губам.

— Стащил с кухни.

— Это я поняла. Я о другом...

— Ах, точно! Привезли на машине с остальными фруктами. Вообще-то, — юноша улыбнулся, наблюдая, с каким удовольствием она поедает гостинец, — клубника предназначалась малышне из хора...

— Александр! — послышался протяжный вой из глубины коридора.

Семинарист закатил глаза:

— Только не это...

Вальмира отряхнула руки и испуганно выпучила глаза:

— Нельзя, чтобы нас застукали вместе!

— Не волнуйся, держи! — Алекс оставил ей комжу с ягодой. — Ешь на здоровье! Я возьму эту демоницу на себя...

Он поднялся, поправил колоратку и с суровым видом направился в сторону окрика. Вальмира провожала его взглядом до тех пор, пока его фигура не исчезла в окне, а потом сложила руки, прикрыла веки и горячо зашептала:

— О святая и непорочная Богиня Солнца, отведи от неприятностей дитя своё, Александра, даруй ему беспрепятственный проход до залов дома Твоего и благослови его за доброе отношение ко мне! Аминь!

Алекс, который стоял спиной к стене и слышал каждое слово её молитвы, расплылся в смущенной улыбке, а потом зашипел, получив оплеуху от монахини.

— Ну и где твоя комжа, семинарист?! Никак лукавая сняла её с тебя?

— Не лукавая, а дева!

— Дева? Какая ещё дева, малахольный?

— Да стояла тут одна за углом, телом торговала. Еле-еле убежал от неё!

Монахиня схватила его за ухо и выкрутила что было сил.

— Ах ты поганец языкастый! Сейчас я из тебя все шуточки выколочу. Сестра Патриция! Сестра Патриция, десять розог этому острослову!

Нужно было отдать должное такому наказанию — после этой порки Алекс ещё долго не решался на подобный подвиг.

Через год случилось кое-что и пострашнее: его писательский талант с каждым стихотворением раскрывался все больше и больше. Писал он тайком в келье, которую делил с нелюдимым, пухлым семинаристом-чтецом. Алекс садился на койку спиной к стене, чтобы сосед по келье ничего не заподозрил, и открывал блокнот поверх молитвослова.

— Что делаешь? — спрашивал сосед.

— Учу молитву.

— Как ты только доучился до предпоследнего курса, не зная молитвы, которую учишь? Мы должны знать каждую!

— Отвлекаешь! — грозно нахмурился Алекс, крепче сжимая обе книжки в руках, и снова уткнулся в молитвослов.

В тот же вечер он написал короткий стих:

Под светлым нимбом Светлоликой
Встретились двое: ты да я.
Твои уста шепчут молитвы,
Мои касаются греха…

Чтобы его не нашли вездесущие настоятельницы, Алекс был вынужден всюду носить стих с собой в кармане сутаны. Однажды, когда после хорового пения он вместе с остальными хористами вышел подышать свежим воздухом, то случайно нашарил в кармане свёрнутый листок. Именно в тот момент, когда парень развернул его, чтобы прочитать содержимое, за его спиной выросла толпа девчонок.

— Любовные записки, Джосс? От кого? — ехидно поинтересовалась одна.

— Или кому? — захихикала другая. — «Под светлым нимб...»

— Чего вы пристали?! — отстранился от них Алекс, сворачивая листок со стихом. — Что бы это ни было, это не ваше дело!

— А по-моему, никто, кроме монашек, что его наказывают, не способен писать ему любовные письма! — не унималась первая.

— Ой, как интересно!

Подружки начали окружать его. Алекс задрал руку с листочком над головой, отошёл назад и упёрся лопатками в решётку, через которую когда-то угощал Вальмиру клубникой. Внезапно кто-то легко перехватил свёрнутый листок, и сердце семинариста рухнуло куда-то вниз. Одной поркой точно не отделаться, подумал Алекс. Он позеленел от ужаса, тело бросило в холодный и липкий пот, парень боялся начать разговор первым — обратят все слова против него, того и гляди казнят. Монашки точно его казнят.

Девочки, окружившие его, покорно поклонились и вернулись к хористам, а за спиной Алекса послышался знакомый, приятный голос:

— Во что ты опять вляпался?

Он обернулся и увидел будущую аббатису.

— Ни во что! — неожиданно резко ответил юноша. — Спасибо, что разогнала этих навязчивых куриц... Не могла бы ты вернуть мне то, что взяла?

— А что там? — В голубых глазах напротив загорелось любопытство. — Девочки были правы?

— Нет, не правы, — теряя терпение, ответил Алекс. Он встал на скамью, чтобы быть с ней одного роста, и ухватился за железные прутья. — Пожалуйста, Мира...

Девушка сделала шаг назад, раскрыла листок и пробежалась глазами по строчкам. Юноша побледнел пуще прежнего и отступил.

— Ну, попа-а-ал... — вздохнул он.

Вальмира подняла взгляд и посмотрела на него совсем по-другому — более чувственно, не без благоговения.

— Красиво! — прошептала она.

— Что? — замер семинарист.

— Красивый слог!

— Это... Это же чернословие[7]…

— И что? Мне нравится! — Будущая аббатиса прижала листок к груди. — Могу я оставить это себе?

Алекс снова прильнул к прутьям, пристально глядя на неё, и улыбнулся:

— Рискуешь. Правда нравится?

Она улыбнулась ему в ответ, прижимаясь к прутьям плечом:

— Правда. Я никому не скажу, Алек, честно-честно!

Юноша почувствовал небывалый прилив сил и воодушевление. Кому-то понравился его стих! Нет, не так! Ей. Вальмире понравилось! Он невольно залюбовался её длинными ресницами и лёгким румянцем. Ветер ласкал бордовые локоны, и когда те касались пальцев Алекса, у него начинало щекотать под коленками. Сейчас она была так близко и одновременно так далеко...

— У меня есть ещё, — он перешел на шёпот. — Большинство из стихов ерундовые, но есть и хорошие. И про Неё есть.

— Не хочу про Неё! Я Ей ещё не простила свои волосы.

Алекс рассмеялся, Вальмира смущённо покраснела.

— Принесёшь мне их? — совсем тихо прошептала она, оглядевшись по сторонам.

— Когда?

— Сегодня.

Забавно. Они будто договаривались о запретной, сладострастной встрече, хотя речь шла всего лишь о стихах! Сердце семинариста зашлось. Не сводя с неё взгляда, он сжал руками прутья.

— Мира, я очень рискую. Если меня поймают за чернословием, да ещё и с будущей аббатисой на тайном свидании, на мне живого места не оставят. Я не боюсь очередной порки, моё тело привыкло к ней. — Он коснулся лбом прутьев. — Я боюсь, что это меня сломает. Понимаешь? Я... я могу сделать в отместку что-то такое, чего церковь мне никогда не простит!

— Что ты имеешь в виду, Алек?

— Каждый раз, когда моих спины или ягодиц касается розга, во мне что-то ломается. Я... — Он набрал в грудь побольше воздуха, заглянул подруге в глаза и поморщился. — Во мне больше нет веры, Мира. Я не хочу верить в Богиню, в доме которой происходят телесные

[7] Чернослóвие — в догматической традиции церкви Богини Солнца так называют способность сочинять стихи. Поэзия официально порицается церковью, поскольку рифмованный текст считается «очернением» чистых и монотонных молитв (белого слова).

наказания. Это никак не помогает моей душе очиститься от скверны, как бы я ни верил в Неё, а только порождает во мне ненависть!

Вальмира протянула к нему свои ладони и улыбнулась. Невероятно! Как же она сейчас была похожа на одну из статуй Богини Солнца! Алекс вложил свои руки в её ладони.

— Dea Solis, serva et protege![8] — горячо прошептала она. — Dilige filium tuum sicut ego eum amo![9]

— О чём ты молишься? — нахмурился юноша.

— Простым семинаристам это знать не положено, — отрезала девушка, но тут же смягчилась, — но наедине с тобой я молюсь только о благополучии, можешь не сомневаться.

Тепло их рук сплеталось между собой, никто из них двоих не торопился отстраняться.

— Сегодня. Вечером, — повторил Алекс. — Оставлю блокнот в траве возле скамьи с твоей стороны. Я не буду тебя ждать, чтобы не попасться. Приходи после девяти часов.

— Хорошо, — улыбнулась Вальмира, а потом нерешительно сжала его руки. — Алек...

— Да?

— Закрой глаза.

— Нет. Если хочешь меня поцеловать...

— Хочу! — фыркнула та, постепенно краснея. — Почему тебе всегда надо испортить всю романтику?!

— Прости, — улыбнулся семинарист. — Просто закрывать глаза слишком банально...

— Я никогда не целовала мальчишек!

— И не должна. Сохрани свой сан, не будь глупышкой. Мне пора, мы заболтались.

Он знал, что не должен был позволять ей целовать себя. И не позволил, как бы сам того ни хотел.

«Пусть её уста и дальше шепчут молитвы... — подумал Алекс, возвращаясь к хористам, — а все грехи я возьму на себя!»

***

Александр задумчиво почесал бровь, растягивая губы во влюблённой улыбке. Благодаря Вальмире вспоминать о днях в семинарии всё же было приятно. Она же была причиной, по которой он иногда бывал на воскресных службах.

«Почему же она так забеспокоилась, стоило мне заикнуться о войне в Одэкоте? — нахмурился мужчина. — Ребята в типографии относятся к этому абсолютно нормально. Это наш долг как журналистов, как мужчин в конце концов! Если бы я доучился в семинарии и получил сан, всё равно бы поехал! Священники на поле боя тоже нужны...»

Он представил, как пересекает поле вместе с другими солдатами, как прячется от пушечных выстрелов вместе с мирными жителями в подвале какого-нибудь магазинчика, попутно строча кривым почерком всё, что попадается ему на глаза, как меркнет в его глазах здравомыслие, когда солдат, с которым он утром делил одну корку хлеба, падает замертво. На войне случается всё. И его тоже могут убить.

«Теперь, кажется, я понимаю Миру... — Алекс снова сжал пальцами основание ручки. — Она моя единственная подруга. Единственная, кого я люблю, о ком мечтаю и о ком вспоминаю, когда одолевает тоска. Я бы доверил свою похоронку только ей, даже не родителям. Ей и больше никому!»

Он склонился над блокнотом, вывел каллиграфическим почерком последний столбец и прочитал вслух:

---

[8] Перевод с древнеаметистского: «Дева Солнца, спаси и сохрани!»

[9] Перевод с древнеаметистского: «Люби своего сына так же, как я люблю его!»

Ты будешь вспоминать обо мне,
Если я внезапно уйду:
В магазин или к другу, к сестре,
За морошкою в лес поутру?

Ты будешь вспоминать обо мне,
Если в доме вдруг станет темно?
И, мою руку не нащупав во мгле,
Прокричишь ли ты имя моё?

А вспомнишь ли цвет моих глаз,
Мой смех и объятий тепло?
Как я тихо молился за нас,
Чтоб всё было у нас хорошо?

Ты будешь вспоминать обо мне,
Когда я уйду на войну?
Если нет, попрошу об одном:
Сохрани похоронку мою.

Глава 3

Этим утром Вальмира была особенно рассеянна. После того как Алекс сообщил ей об Одэкоте, она потеряла покой. Она надеялась отвлечься на повседневной службе, но и прихожане без умолку болтали об этой смуте: переживали за мужей, братьев и сыновей, убеждали друг друга, что король не допустит, чтобы его подданные гибли в затянувшемся на годы конфликте между двумя соседними странами, а старшее поколение вспоминало Северо-Южную войну, которая случилась почти полсотни лет назад.

— Ваше Святейшество, служба окончена, прихожане разошлись, — верная помощница Николета улыбнулась аббатисе и присела в поклоне. — Благословите?

— Благословляю, сестра Николета, — рассеянно кивнула аббатиса и вместо головы возложила ладонь на плечо монахини.

— Ваше Святейшество, вы в порядке?

— А? Да-да, хорошо.

Вальмира кивнула монахиням в коридоре монастыря, похвалила юных хористов и вышла в сад, где когда-то они встречались с Алексом. Она приблизилась к скамье, присела и потянулась рукой слева от неё, где ветер качал высокую траву. Ничего. Как и в ту ночь.

Она вспомнила, как тогда тихо выскользнула из кельи, чудом обошла всех настоятельниц, стражу и, приподнимая подол ночного платья, прибежала в сад к назначенному времени. Во всех окнах мужского монастыря были погашены лампы. Вальмира скользнула рукой слева от скамьи, потом справа — никакого блокнота не было.

«Может, опаздывает? — закусила губу будущая аббатиса. — Или я пришла слишком рано? Нет... я всё точно высчитала! Где же ты, Алек?»

Она просидела в саду около получаса, ещё раз обыскала скамью, даже попыталась осмотреть ту, которая была со стороны мужского монастыря.

«А что, если кто-то нашёл блокнот раньше меня? — внутренности девушки сковал холод, одно только сердце бешено застучало по рёбрам. — Или Алек попался? Святая Богиня Солнца, только бы не попался!»

Когда ожидание стало совсем невыносимым, а плечи покрылись мурашками от прохладного ночного воздуха, Вальмира решила вернуться в келью и выяснить всё утром, однако она услышала какие-то голоса со стороны мужского монастыря. Девушка подошла к прутьям и спряталась за забором, прислушиваясь к разговорам настоятельниц.

— ...Если аббатиса узнает, вас могут отстранить, сестра Патриция! Сжальтесь, сестра, мальчику всего шестнадцать, он ещё образумится!

— Сестра Ингретта, ты, кажется, совсем из ума выжила? В этом дитяти столько тьмы, сколько ты себе и представить не можешь! Подумать только — чернословие!

«Алек! — Дыхание Вальмиры перехватило от страха. — Попался! Святая Богиня Солнца, спаси и сохрани!»

— ...Выбью из него всю дурь. Я высеку его так, что даже Тьма примет его за мусор и не посмеет больше очернить его душу! Где он?!

— В келье для провинившихся, сестра.

— Ты знаешь, что нужно делать.

— Да...

Будущая аббатиса, не обращая внимания на колючки, цепляющиеся к её ночному платью, поспешила обратно в монастырь.

— Ваше Святейшество! — кричала она чуть ли не плача, несясь по коридорам. — Аббатиса Вильгельмина!

«Это я виновата! О Светлоликая, это всё я! Зачем я попросила у него стихи? Дура, дура я!»

На её крик, словно перепуганные сороки, слетелись монахини и настоятельницы. Они попытались объяснить юной ученице, что аббатиса сейчас в своей келье молится и прерывать эту молитву непозволительно, но Вальмира вцепилась им в руки и расплакалась:

— Вы... вы должны мне помочь, сёстры! В мужском монастыре вершится самосуд, надо его остановить!

— Оставь это для настоятельниц, дорогая, — сказала одна из монахинь. — С чего ты вообще взяла, что кто-то там вершит самосуд? Уже ночь, там давно отбой.

— Вы не понимаете! — плакала Вальмира. — Я... я их слышала! Патриция и Ингретта... Они собираются высечь его...

— Святая Богиня Солнца! Кого, дитя?

Девушка поджала губы, глотая слёзы. Она не могла сразу выдать имя.

— Мальчика. За чернословие.

— Всего лишь за чернословие? — улыбнулась монахиня. — За него не наказывают розгами...

— Вы меня не слушаете! — взвизгнула будущая аббатиса. — Найдите мне Вильгельмину, она всё поймет! Его там сейчас просто убьют! Убьют!

В больших дверях, ведущих в коридор с кельями, показалась аббатиса. У неё всегда была изящная прямая осанка, такие же длинные бордовые волосы, резко контрастирующие с морщинами на лице, и невозмутимый холодный взгляд.

— О ком ты плачешь, дитя? Кого убьют?

— Алек... Александра, самого нелюбимого Её сына! — скривилась Вальмира и упала на колени перед наставницей, сложив руки в молебном жесте. — Пожалуйста, Ваше Святейшество, спасите его! Она никогда не спасала, но вы... Это в ваших силах!

— Не смей умолять меня! — мгновенно разозлилась аббатиса. — Встань с колен сейчас же! Вытри слёзы, сходи умойся. — Она махнула рукой старшей монахине. — Дайте ей стакан воды, дитя захлёбывается в отчаянии!

Когда Вальмира немного успокоилась, она с глазу на глаз поговорила с наставницей, объяснила ей всю ситуацию, умолчав об их тайных встречах с юношей. К концу рассказа аббатиса осталась невозмутимой, однако в глазах её горело неистовство.

— Я никому не позволю вершить такой кровавый самосуд в доме Светлоликой, но и Александра полностью оправдать не могу. Он виноват.

— Виноват, — прошептала Вальмира, — и я уверена, что ему хватит ума искупить этот грех! Только спасите его...

— Идём!

Аббатиса Вильгельмина, Вальмира, две монахини и один стражник довольно быстро оказались в мужском монастыре. На входе их мгновенно встретила настоятельница Ингретта.

— Ваше Святейшество?

Властный и низкий голос аббатисы прогремел, как колокол:

— Где сейчас сестра Патриция и семинарист Александр?

Монахиня испуганно выпучила глаза, но ничего не ответила.

— Отвечай, Ингретта, иначе отстраню тебя!

— В келье для еретиков, аббатиса! Они там...

Аббатиса грозно прошествовала вниз по лестнице, ведущей к темницам. Вальмира в ужасе сжимала подол платья, пот градом падал с её лица, а в горле саднил огромный ком. Она боялась за Алекса. Боялась больше, чем за саму себя, ведь после всего аббатиса точно устроит ей допрос с пристрастием.

Впереди послышались крики. Вальмира узнала только скрипучий голос Патриции, а также леденящий душу звук свиста и удара розги о человеческое тело.

— Нет-нет-нет... — на одном дыхании просипела Вальмира, хватаясь за сердце. — Ваше Святейшество, остановите её! Остановите!

Стражник по молчаливому жесту аббатисы выбил дверь, и женщинам открылась чудовищная картина. Патриция, как самый опытный мясник, засучила рукава на сутане и крепко сжимала розгу, с которой капала какая-то жидкость с резким запахом вперемешку с кровью. Подле неё на коленях сидел Алекс. Его руки были связаны в молебном жесте, а ладони сжимали статуэтку Светлоликой, на которую налипли сено и капли крови. Тело юноши было оголено по пояс и блестело от пота. Спина была испещрена глубокими красными бороздами, в некоторых местах кожа треснула, и оттуда сочилась тонкими струйками кровь. Алекс тяжело дышал и, кажется, был в беспамятстве. Как только его палача отвлёк шум, он сразу же обессиленно прильнул плечом к столбу и, вымученно улыбнувшись, прошептал:

— Мне молиться дальше или как?..

Аббатиса сделала шаг вперёд и в шоке посмотрела на Патрицию:

— Да по тебе тюрьма плачет! Как посмела поднять руку на дитя?!

Патриция отбросила розгу, медленно опустила рукава и холодно ответила:

— В нашей пастве завелась паршивая овца, Ваше Святейшество. Я лишь хочу направить его...

— Изощрённые у тебя методы, Патриция. Чернословие — не смертный грех, чтобы искупать его кровью. Кем ты себя возомнила?

Стражник подошёл к чаше с замоченными розгами, принюхался и сказал:

— Спирт, Ваше Святейшество.

— Садистка! — прошипела аббатиса, прожигая взглядом настоятельницу. — Тебя впору не только ограничить в священнослужении, но и вовсе лишить сана! Сестра Аннет, сестра Франческа, я буду признательна, если вы вместе со мной отведёте Патрицию в её келью до вынесения окончательного приговора. Вальмира, — Вильгельмина строго посмотрела на свою ученицу, — помоги Александру. Стражник вас будет охранять.

Женщины окружили Патрицию, и процессия удалилась. Вальмира осторожно покосилась на стражника:

— Она ведь ничего им не сделает?

— Не беспокойся, девочка.

— Вы видели её руки? — нахмурилась она. — Как у мясника! Пожалуйста, лучше вернитесь к аббатисе. В темницах тихо, нас не от кого охранять...

Стражник упрямо покачал головой, но тут же встрепенулся, услышав ругань наверху. Он положил руку на рукоять меча и бросился по лестнице вверх. Вальмира дождалась, когда его шаги стихнут, а потом упала рядом с Алексом, обнимая его за плечи. Её нежное платье мгновенно пропиталось его кровью и по́том.

— Алек, прости меня! — заплакала девушка, прижимая его голову к своей груди. — Какая же я дура! Не надо было просить тебя принести блокнот! Ах, что же я наделала...

— Что ты делаешь, Мира? — прошептал Алекс, слабо сопротивляясь ей. Он обхватил ладонями ее талию и отстранил от себя. — Не прикасайся ко мне, я весь грязный...

— Грязный? Ничего, Алек, ничего... — Она огляделась. В темнице пахло спиртом, мокрым деревом и кровью. — Я... я сейчас что-нибудь придумаю...

Девушка схватила таз и выплеснула спирт на сено. Затем вышла в коридор к старой, ржавой раковине, набрала ледяной воды и вернулась в камеру. Алекс зубами подцепил узел на верёвке, потянул на себя, развязал руки, тут же сжимая в правой ладони увесистую статуэтку Светлоликой, и швырнул её в стену что было сил. Вальмира вздрогнула и зажмурилась.

— Проклятая предательница!

— Алек...

— Подлая ведьма!

Подруга взяла край платья, намочила его, свернув в руке в подобие тряпки, и вытерла пот с его лба:

— Пожалуйста, перестань ругаться. Тебе ещё предстоит разговор с аббатисой.

— Хорошо... — Алекс прикрыл глаза. — Только не прикасайся ко мне...

— Мне придётся. Ты слышал аббатису. Твоя спина... — Вальмира заглянула ему за спину и вздрогнула. — О Алек... Как же так? С такой жестокостью... до крови!

Она снова смочила импровизированную тряпку в тазу с ледяной водой, задрав платье чуть выше колена. Алекс отвернулся, поморщившись от боли.

— Сейчас не до формальностей! — покраснела Вальмира, заметив его манёвр. — Прости меня, Алек.

— Что ты, — как можно пренебрежительнее хмыкнул тот, — я ведь сам виноват.

— Я так испугалась за тебя! — горячо выпалила Вальмира и тут же понизила голос до шёпота. — Я пришла, как мы и договорились, даже подождала немного, думала, что ты опаздываешь... Но потом я услышала Патрицию и тогда всё поняла!

Она аккуратно приложила тряпку возле рассечённой кожи на его спине. Алекс дёрнулся и зашипел от боли. Вальмира тщательно промыла два пореза, а потом взяла осколок статуи и отсекла грязный подол от платья.

— Мира?

— Платье уже не спасти, да и спина у меня затекла...

— Не вздумай раздеваться.

— Я только отрезала то, что испачкала. — Она подогнула колени под себя, слегка опёрлась на его плечи и омыла ему шею. — Почему ты меня чураешься?

Алекс обернулся через плечо и посмотрел на неё так, будто она отрастила вторую голову.

— Потому что ты будущая аббатиса, которой не пристало возиться с грешником. Если за чернословие меня так высекли, представь, что могут подумать, застав тебя в оборванном платье, окровавленную, обнимающую меня за плечи? Я жить хочу, Вальмира, вдохнуть морской воздух, пробежаться босиком по зелёной траве, хочу напиться до беспамятства и предаться разврату. Я не такой, как вы, Мира. Мне здесь нет места. Никогда не было...

— Ты не знаешь, о чём говоришь, Алек, — покачала головой девушка.

Юноша резко встал, отбирая у неё тряпку, и угрожающе посмотрел сверху вниз:

— Я хочу сочинять стихи, читать литературу, не пряча книги под одеялом. Я знаю, о чём говорю. Я... я хочу быть свободным. И я буду свободным!

Вальмира почувствовала острый укол разочарования в сердце. Она так привязалась к этому семинаристу. С ним можно было говорить о чём угодно, смеяться над любыми шутками, обратиться за советом, быть собой, а не чопорной аббатисой, и быть уверенной, что тебя всегда поддержат. Если он решит уйти, это навсегда сделает её одинокой.

И это свершилось. Через неделю хористы, аббатиса Вильгельмина со своей ученицей, монахини и настоятельницы пришли в неф, чтобы подготовиться к службе, но то, что они увидели на алтаре, всех повергло в шок. Статуя их любимой, воспеваемой в молитвах и мессах Светлоликой была облачена в чёрную мантию, её руки, раскинутые в добром, всепрощающем жесте, вымазаны красной краской, имитирующей кровь, а в ногах были разбросаны розги, смердящие спиртом. Возмущенный ропот прокатился по толпе семинаристов, монахинь и священнослужительниц. Кто-то хватался за голову, кто-то — за сердце, кто-то молился... И только Вальмира среди всех оставалась спокойной. Она знала, что произошло и кто это сделал. На стене над алтарём было написано:

Она — Палач! Она — Тиран!
Я был распят Её рукой,
И колоратка — мой аркан
С теократической чумой!

Сам виновник этого перформанса сидел на карнизе, лениво болтая ногой и наблюдая за представлением свысока. Аббатиса как в наваждении подошла к статуе и прикоснулась к её нежным ступням, ныне испачканным в «крови». Она не сказала ни слова.

— Кто способен на такое... такое кощунство?! — возмутилась монахиня Франческа, сжимая ткань сутаны на сердце. — Ох, какой ужас!

— Розги и кровь, — холодно процедила аббатиса Вильгельмина. — Никого не напоминает?

Алекс ухватился руками за канат от тяжёлой шторы и спустился по ней вниз, заодно проливая разноцветный свет на неф и статую. Ему мгновенно удалось завоевать всеобщее внимание. Несмотря на назначенное наказание и отстранение от всех занятий и практик, семинарист держался самоуверенно. Вальмира была в восторге от того, сколько целеустремлённости и страстного мятежа было в этом юноше. Этим они и дополняли друг друга: она могла с лёгкостью успокоить его, а он с такой же лёгкостью зажигал в ней озорной огонёк любопытства и жажды приключений. Сейчас она потеряет его навсегда, и в душе её останется только пустота и послушание.

— Очень лестно слышать о том, *какой след* оставило моё пребывание здесь, — прищурился Алекс и улыбнулся. — Я решил, что оставлять вас без сюрприза будет невежливо с моей стороны.

— Это твоя благодарность Ей за твоё спасение? — подняла одну бровь аббатиса. — Как благородно!

Вальмира поёжилась, когда прямо на её глазах лицо парня стало таким гневным, что казалось, будто ещё мгновение — и аббатиса воспламенится. Он медленно и без всякого страха подошёл к монахиням и Вильгельмине и процедил сквозь зубы:

— Меня спасла *не Она,* и мы оба это знаем. Её паства давно прогнила: садистка в монашеской рясе, — он перевёл хитрый взгляд на бывшего соседа по келье, — стукач в колоратке, и бесконечное унижение, только потому что ты талантлив! Я ненавижу Её. Я ухожу.

— Ты не можешь просто так уйти, — покачала головой Вильгельмина. — На тебе сутана и колоратка, надо пройти процедуру суда...

Алекс рассмеялся и ткнул пальцем в исписанную стену:

— И правда — аркан!

Вальмира улыбнулась, но, поймав строгий взгляд настоятельницы Аннет, тут же отвела глаза. Аббатиса сохранила невозмутимость.

— Александр, я понимаю, ты огорчён тем, что произошло, но я прошу тебя уйти из паствы достойно, а не как капризное дитя, и оставить после себя порядок. На это у тебя хватит мужества?

— Нет, — скучающе вздохнул Алекс, — не хватит. Можете изгнать меня, как самого паршивого ягнёнка, я плакать не буду. Но передавайте от меня привет этой стерве каждое воскресенье.

Юноша достал из кармана горсть петард, поджёг их и бросил куда-то в сторону алтаря. *БАХ!* Монахини и хористы бросились врассыпную, а аббатиса присела между рядов, прикрывая уши. Алекс в последний раз посмеялся над ними, а потом побежал к запасному выходу, через который в храм доставляли свечи, продукты и ткани. Вальмира бросилась следом и настигла его в коридоре почти у самого выхода.

— Алек! Алек, постой!

Он остановился и сказал:

— У меня мало времени. Это петарды, а не динамит...

— Просто... просто хотела... — она осеклась, побоявшись этого страшного слова, — хотела...

— Попрощаться?

— Наверное...

Алекс взял её руки в свои ладони и улыбнулся:

— Ты моя спасительница, моя лучшая подруга и единственное светлое напоминание об этом месте. Мы не прощаемся. Поверь, я найду способ и тебе кровь свернуть.

Вальмира искренне рассмеялась, несмотря на ком в горле. Юноша с горечью поморщился, будто только сейчас ощутил тяжесть расставания, сделал ещё шаг навстречу и оставил поцелуй на её макушке. А потом, отпустив её руку, бросился навстречу свободе.

О том, что было после этого, Алекс никогда не рассказывал. Куда сбежал? К кому пошёл? Где жил и что ел? Вальмира села на скамью и вздохнула. Местные отзывались о нём как о хорошем журналисте, талантливом поэте и неплохом музыканте, монахини были в восторге, когда он приходил с фотокамерой — у них была возможность получить пару фотографий на память, ведь не все могли позволить себе такой модный аппарат. Вальмира же всегда наблюдала только со стороны. Из пропасти, образовавшейся между ними, разило холодом и какой-то непонятной недосказанностью. К тому же девушка становилась сама не своя рядом с ним: робела, краснела, заикалась и... и почему-то злилась. Причина смущения ей понятна — он давно был ей симпатичен, но из-за чего злилась и на кого? На него из-за того, что он своим уходом обрёк её на одиночество? На себя из-за того, что влюбилась в него? Разве кто-то из них виноват в случившемся? Каждый слушал своё сердце.

«А что моему сердцу нужно сейчас?» — задумалась она.

«*Блокнот!* Тот чёртов блокнот, с его стихами, который он должен был оставить для меня под скамьёй в ту злополучную ночь!» — отвечало сердце.

Аббатиса сжала ткань на коленях и нерешительно закусила губу. Блокнот, должно быть, изъяли ещё тогда, и сейчас он давно утерян. Прошло больше десяти лет...

«А что, если нет? — задумалась Вальмира и смело направилась обратно в неф. — А если и потерялся, то я всё равно услышу его стихи!»

В нефе она нашла Николету и, взяв её за руки, горячо зашептала:

— Сестра Николета, мне нужна твоя помощь. Ты моя верная помощница и подруга, и только тебе я могу доверять...

— Что случилось, аббатиса? — та поджала плечи от её неожиданного порыва.

— Сейчас я напишу тебе список вещей, которые нужно раздобыть к субботе. Важно — именно к субботе, ни днём раньше, ни днём позже. — Вальмира взяла листок для молитв и написала на нём небольшой список. — Когда вернёшься, расскажу, для чего они мне.

— Хорошо. Какой странный набор...

— Иди!

Николета поклонилась и побежала исполнять поручение, а аббатиса подозвала к себе монахинь и строго пояснила:

— Сёстры, в ночь с субботы на воскресенье я попрошу не беспокоить меня без надобности. Я собираюсь нести молитвенное таинство всю ночь.

— Что-то случилось, Ваше Святейшество? — обеспокоенно поинтересовалась одна из монахинь.

— На границе с Одэкотой неспокойно. Чует моё сердце, что это может коснуться и Аметиста, поэтому хочу помолиться Богине о мире, — быстро и достаточно убедительно соврала

Вальмира. — С шести часов вечера до семи утра снимите всех стражников с крыла моей кельи — не могу сосредоточиться, когда слышу шаги и голоса в коридоре...

— Как скажете, Ваше Святейшество! Конечно, ничто не будет отвлекать вас от такого особенного таинства!

Вальмира кивнула и скрылась в библиотеке. Книг в храме хранилось совсем немного, всего двенадцать или пятнадцать — девушка уже и не помнила, потому что всегда видела и читала только Писание. Вот и сейчас она прошла мимо пыльных, полупустых полок и присела возле старинной-престаринной коробки с подписью «Изъятое/потерянное». Облако пыли окружило её, когда она с непривычки резко распахнула ушки коробки. Среди кучи разных безделушек она нащупала то, что ей нужно было, и вытащила из коробки.

— Это оно! — прошептала Вальмира, проведя рукой по черной кожаной обложке. — Святая Богиня Солнца, нашла!

Она прижала блокнот к себе, не решаясь открыть его, и несколько минут просидела в тишине. Затем аккуратно раскрыла его и прочитала несколько стихов. С каждой строчкой её улыбка становилась всё шире и шире, а по груди расплывалось тепло.

«Я должна вернуть ему это! — решила девушка и, спрятав блокнот в рукаве, направилась в свою келью. — „Макабр“, значит... Далековато отсюда!»

Разумеется, аббатиса покидала стены храма ради важных мероприятий, куда её приглашали как представительницу духовенства, но то были либо королевские балы, либо приёмы. Идти в старый, грязный паб, расположенный где-то в захолустье...

«Не знаю, сработает ли мой план. Придётся рискнуть. Но как передать ему блокнот под прикрытием? Я не смогу и слова сказать, потому что тогда он меня узнает и насторожится, откуда у меня такая вещь...»

Вечером в келью постучалась Николета и радостно сообщила:

— Аббатиса, я всё купила!

— Правда всё? — удивилась Вальмира, заглядывая в мешок. — Ох, какая удача!

— Вы обещали рассказать мне, для чего эти вещи вам.

Аббатиса велела ей войти в келью, а потом осмотрела коридор и скрылась внутри следом.

— Николета, я хочу посетить паб «Макабр» в ближайшую субботу, но никто не должен узнать меня.

— Но зачем? — округлила глаза та.

Вальмира начала мерить шагами комнату:

— Я нашла кое-что, принадлежащее Александру Джоссу, когда он был ещё семинаристом. Он очень дорожил этой вещью, из-за неё попал в большие неприятности и думал, что она утеряна навсегда. Так как он очень редко приходит в церковь, я решила всё взять в свои руки.

Николета подошла к ней, взяла её за руки, пытаясь унять её волнение, и возмутилась:

— Вы собираетесь тайно посетить шумный, грязный паб ради того, чтобы отдать мужчине какую-то вещь, которую он потерял здесь сто лет назад? Вы уверены, что он ещё помнит о ней?

— Вспомнит, как только увидит.

— Вы сошли с ума!

— Знаю, — улыбнулась Вальмира и пожала плечами. — Но ведь приключение обещает быть интересным.

— Интересным?! В этом пабе наверняка собираются всякие пьяницы, тунеядцы и падшие женщины!

— Откуда тебе знать? Ты там никогда не была, как и я!

Между девушками воцарилась тишина. Николета прищурилась и сделала шаг навстречу:

— Вы влюблены в мужчину, ведь так?

Сердце Вальмиры покатилось в пятки, она тут же возмутилась:

— Вовсе нет, сестра! Просто... просто мы в те времена учились вместе, и в том, что произошло, есть и моя вина. Я просто хочу искупить свою вину. Как исповедоваться, но не столько перед Богиней, сколько перед ним. Я и правда очень виновата, сестра. Но без тебя мне не справиться!

Монахиня тяжело вздохнула, поджала губы и устремила взгляд в потолок, размышляя над предложением.

— А если нас поймают?

— Для этого я и просила тебя купить маскировку, — довольная Вальмира потрясла мешком. — Притворимся такими же тунеядцами, займём самый неприметный столик. Я уверена, что никому до нас не будет дела.

— И как же вы собираетесь передать эту вещь под маскировкой?

— Положу на его столик незаметно. Пусть поломает голову.

— Ох, не знаю, Ваше Святейшество...

— Пожалуйста, сестра! Мне больше не на кого положиться!

Николета немного помолчала, а потом улыбнулась:

— Ну хорошо, я согласна.

Глава 4

Когда на часах стукнуло почти шесть часов вечера, Вальмира отложила спонжик и обернулась: дверь в келью открылась. Николета вошла в потрёпанных коричневых брюках с подтяжками, красной рубахе, а блондинистые волосы спрятала под объёмной твидовой кепкой.

— Ну, принесла? — заговорщицки спросила у неё Вальмира.

— Да.

Они вместе сели у окна, где свет был ярче всего, и Николета нанесла несколько мазков сажей на лицо аббатисы. Та повторила то же самое и с её лицом.

— Запомни: мы с тобой двое мальчишек-кочегаров.

— А что мы топим?

— М-м-м... паровоз!

Девушки в унисон рассмеялись. Аббатиса переоделась в полосатые штаны, грязную засаленную льняную рубашку, повязала платок на лицо, как делали разбойники, и нацепила соломенную шляпу на блондинистый парик. Они скорее были похожи на фермеров, чем на кочегаров.

— Ну, пошли.

Им удалось незаметно выйти из храма под рясами настоятельниц, никто даже не стал придираться к ним с вопросами. Как только они оказались на улице, Вальмира поняла, почему Алекс тогда так радовался: в лицо сразу же ударил свежий осенний ветер, люди вокруг не обращали на них внимания, где-то беззаботно хохотали дети, с пристани были слышны крики чаек и моряков. Николета участливо посмотрела на аббатису:

— Вам, наверное, так непривычно...

— Верно. Но мне нравится! Обычно за мной отправляли экипаж, так что город я особо никогда не разглядывала...

Ужас сковал тело Вальмиры. Она была буквально птицей, заточённой на годы в клетке!

«Этого ли действительно хочет Светлоликая? Чтобы ей служили вот так, не видя белого света? — Девушка сделала глубокий вдох. — Алекс был прав насчёт каменной стены в своём стихотворении! Я и правда добровольно огородилась не только от него, но и от всего мира!»

Паб они сразу же узнали: помимо вырезанной из дерева вывески, внутри надрывалось фортепиано и выла труба. Кажется, это называется джаз.

— Ну что, вы готовы? — Николета надвинула на лоб кепку. — Уф, я уже отсюда чувствую запах солёных огурцов. Мерзость!

Вальмира поморщилась, уловив сигаретный дым.

— Ничего, потерпим. Я готова. Заходим!

Несмотря на слухи, что распространяли набожные прихожанки, паб внутри оказался достаточно уютным. Столики и стулья были из массива дерева, слева от входа располагались два бильярдных стола, по центру у дальней стены — сцена с музыкантами, старый рояль, даже занавески на окнах висели. Вальмира пока что не выцепила из толпы ни одного знакомого.

Как только они заняли столик, к ним тут же подошла официантка и спросила:

— Что будете заказывать, мальчики?

Девушки побледнели. Разговоры с незнакомцами — вот чего они не продумали! Николета откашлялась и сделала голос мальчишеским настолько, насколько была способна:

— Два имбирных лимонада, пожалуйста.

Официантка протёрла стол и поморщилась:

— Что, слишком юные для джина или эля?

Вальмира закатила глаза и кивнула Николете. Та перевела взгляд на официантку и добавила:

— Можно и эль. Простите, мы тут впервые...

— Тогда принесу вам наш авторский эль для новичков! — подмигнула им та и направилась к бармену. — Эх, школяры...

Вальмира наклонилась к Николете и сказала:

— Мы пропали! О том, что с нами могут заговорить, мы и не подумали!

— Она вроде повелась, так что говорить буду я. А вы... Вы будете моим немым другом.

— Надо спросить у официантки, будет ли сегодня выступать какой-нибудь поэт...

— Хорошо.

Когда официантка вернулась с подносом, Николета спросила:

— Мы слышали, что на выходных можно попасть на выступление местного поэта...

— Вы про Алекса? — мгновенно расцвела та. — Люди его обожают, он не только поэт, но ещё и хороший музыкант и душа любой компании. Вам повезло, он сегодня будет читать стихи.

Вальмира тихо выдохнула. Блокнот, спрятанный в широком кармане штанов, стал весить тяжелее кирпича. Официантка ушла, и девушки смогли немного расслабиться. Вальмира пригубила эль и тут же скривилась. Он был на вкус как вода, выжатая с грязного белья во время стирки, ужасно горчил и пробивал до слёз. К ним внезапно плюхнулся какой-то старый моряк с трубкой во рту и хохотнул:

— О, я извиняюсь! Это мой любимый столик, не против, если разделю его с вами?

Девушки согласились, чтобы не вызывать подозрений. Моряк нахмурился:

— Вы не местные?

— Почему вы так решили? — удивилась Николета тем же мальчишеским голосом.

— Какие-то вы скромные...

— Мы местные, но в этом пабе впервые. Пришли послушать Алекса.

— О-хо-хо! Я тоже! Есть у него стихотворение одно, которое пробивает меня до слёз! Знаете, о матери. Моя старуха померла, ещё когда мне не было и пятнадцати...

В паб вошла шумная компания людей, среди которых Вальмира узнала фотографа Марлен, журналистов Тома и Луиса. Остальные были ей незнакомы, но она догадалась, что это друзья Алекса — местная типография. В пабе сразу же стало оживлённо.

— А вот и наша суперзвезда! — протянул Том.

В паб вошел Алекс и помахал им рукой. Вальмира почувствовала, как сердце начало трепыхаться в груди, как птица в неволе, а ладони вспотели. Хотелось сорваться с места и обнять его. О, как же ей давно хотелось его обнять! Мужчина снял плащ, шляпу и изящно поклонился всем присутствующим.

— Всем bonjour[10]!

Он подошёл к друзьям и искренне улыбнулся:

— Безумно счастлив, что вы каждый раз приходите сюда поддержать меня! Вы мне как семья!

— Мы и есть семья, — улыбнулся ему в ответ Луис и похлопал по плечу. — Мы не могли иначе, Алекс.

— Спасибо.

Неожиданно моряк окликнул молодого поэта и помахал рукой. Вальмира вздрогнула, натянула перчатки и спрятала глаза под полями шляпы.

— Добрый вечер, Сильвио! Рад вас видеть сегодня! — Алекс сел напротив, пожимая руку моряку. — Как ваша madonna?[11]

— Как всегда ворчит! Переживает за свою сестру в Одэкоте. Там уже говорят об эвакуации, но её сестра такая же упрямая, как она сама!

---

[10] Перевод с аметистского: «Здравствуйте!»

[11] На языке одэкотцев — уважительное обращение к женщинам, чаще к матери или жене.

— Эвакуации... — эхом повторил Алекс, а потом коснулся плеча старика, и голос его стал мягче. — Пока есть возможность миновать беды, лучше ею воспользоваться.

— Знаю, сынок. Знаю. Но не будем о грустном! — Старик прикурил трубку и толкнул локтем сидящую рядом Николету. — У нас тут новички! Совсем юнцы, говорят, пришли тебя послушать!

Вальмира больше не ощущала, дышит она или нет. Алекс перевёл взгляд на них, улыбнулся и протянул руку:

— Правда? Я польщён, э-э-э...

— Николас, сэр! — Николета смущённо ответила рукопожатием, заметно разволновавшись. — А это... Это Уильям, сэр. Он немой.

— Немой? Ого! — Алекс улыбнулся, когда Вальмира достаточно уверенно пожала ему руку. — Как необычно! А ваш акцент... вы из Эдельвейса?

— Нет, просто часто там бываем. Это самый популярный маршрут нашего поезда.

— Кочегары, значит? То-то вы все в саже! — улыбнулся Сильвио.

— А что это у вас в бокалах? — удивился Алекс и принюхался. — Ах, их знаменитый эль для новичков! Скажу по секрету: эта жидкость из бутылки, куда сливают остатки: джин, водка, текила, ром, медовуха, сидр... Ядрёная смесь! Уильям, ты ведь ещё не пил эту гадость?

Вальмира молчала. Даже если бы она не маскировалась, то всё равно не нашлась бы со словами. Сейчас она не жалела, что пошла на такой страшный риск, ведь сидеть вот так беззаботно и слушать его — то, чего она всегда хотела, когда они оставались наедине в церкви. Алекс принял её молчание за согласие.

— Le pauvre[12]… — снисходительно улыбнулся он и щёлкнул пальцами, выцепив в середине пополняющегося зала официантку. — Люци, подойди, пожалуйста!

Та приосанилась, мгновенно заулыбалась и в несколько шагов оказалась у их столика:

— Что такое, милый?

Алекс удержал её за руку, призывая подождать, и внимательно посмотрел на Вальмиру и Николету. Аббатиса старалась держаться невозмутимо, но у неё морозило под коленками, во рту пересохло, а тело бросало то в холод, то в жар.

«Неужели узнал?!»

— Значит, — мужчина указал сначала на Николету, — вот этому принесёшь «Шмеля», — а затем пристально прищурился на Вальмиру, помолчал и добавил: — а вот этому — «Алые паруса». Ещё прихвати бутылку рома для моего друга Сильвио, тарелку луковых колец, и всё за мой счёт.

Николета выпучила глаза:

— Что вы, мы можем и сами заплатить...

— Расслабьтесь, я угощаю, — улыбнулся Алекс и, понизив голос, заговорщицки прошептал: — К тому же у меня тут пожизненная скидка. Верно же, Люци?

Та с улыбкой закатила глаза, легонько шлёпнула его по плечу и подмигнула гостям:

— Ну как можно противиться такому обаянию! Все сделаю!

— *Madonna!* — воскликнул Сильвио.

— Спасибо! — Алекс поднялся и окинул компанию хитрым взглядом. — Ну, рад был знакомству, *Николас и Уильям.* Наслаждайтесь вечером!

Он достал из внутреннего кармана тонкий блокнот, взял на баре стакан воды и запрыгнул на сцену, о чём-то переговариваясь с музыкантами. Вальмира только сейчас заметила, что в пабе практически полная посадка. Официантка принесла два коктейля, одну бутылку рома и тарелку ароматных жареных луковых колец. Свет в зале выключили, все начали аплодировать, а потом наступила тишина, какую Вальмира давно не слышала. Никто не кашлял, никто не

[12] Перевод с аметистского: «Бедняга...»

шептался между собой, никто не смеялся и не разговаривал. Алекс сделал шаг вперёд и начал читать стихи.

«Не всем суждено придерживаться предначертанного пути», — подумала Вальмира, наслаждаясь коктейлем и чарующим голосом Алекса. Мужчина, как и она, был выходцем из религиозной семьи, и точно так же был с детства отдан на воспитание церкви. Но, в отличие от Вальмиры, никакие ограничения, запреты и обеты не смогли потушить внутренний огонь Алекса. Даже телесные истязания. То, что произошло с ним в той темнице семинарии, несомненно, явление чудовищное и, определённо, оставило свой след в его жизни, но даже после такого мужчина оставался жизнерадостным, добрым, дружелюбным и обаятельным. Аббатиса прониклась уважением к нему и со стыдом призналась себе, что всё ближе и ближе к грешным мыслям о нём, ведь Алекс был бесподобен! Вальмира, как высшая священница, не могла назвать его талант скверной Тьмы. Это было благословение Богини.

Сам формат чтения стихов был очень интересным: где-то Алекс будто вёл монолог, где-то ему подпевали музыканты, а многие произведения полноценно сопровождались музыкой, чем напоминали скорее баллады, чем стихи. И он всегда старался взаимодействовать со зрителями: ходил между столиков, подмигивал официанткам, шутил, вызывая всеобщий смех, и замирал на сцене, если кто-то из музыкантов начинал играть соло. Но и не заметить в некоторых произведениях религиозный подтекст было невозможно. Алекс не скрывал, что был верующим, не скрывал, что больше им не является, и с некоторой насмешкой воспевал Тень и Тёмного Бога в своих стихах.

«Интересно, во что же он теперь верит? И верит ли во что-то? — думала она, невольно любуясь им. — Хотелось бы мне, чтобы это было так, ведь человек без веры — просто безвольная марионетка для своих желаний...»

По спине пробежал холодок, когда она заметила на себе взгляд Алекса. Сейчас его грудь тяжело вздымалась от только что прочитанного стихотворения, корни волос, лоб и шея блестели от пота под тёплым светом ламп, а на губах появилась улыбка. Вальмира была благодарна платку на своём лице за то, что он скрывал её румянец. Затем взгляд Алекса нашёл печального Сильвио, который задумался о чём-то своём, и плечи поэта осунулись, будто на них упал какой-то невидимый груз. Он прервал тихую музыку, вышел к краю сцены, и зал мгновенно затих.

— Друзья мои, муза шепчет мне, что пора заканчивать, поэтому я бы хотел прочитать свой последний стих. Я посвятил его каждому, кто пал жертвой войны, будь то солдат, врач или мирный житель. Ни для кого не секрет, что сейчас происходит на границе Одэкоты и Эдельвейса, а значит, этот стих посвящается всем поколениям.

Вальмира приосанилась и сжала руками ткань на штанах. Они же совсем недавно говорили об этом! Алекс помолчал с минуту, собираясь с мыслями, и тихо начал читать:

Ты будешь вспоминать обо мне,
Если я внезапно уйду:
В магазин или к другу, к сестре,
За морошкою в лес поутру?

Ты будешь вспоминать обо мне,
Если в доме вдруг станет темно?
И, мою руку не нащупав во мгле,
Прокричишь ли ты имя моё?

А вспомнишь ли цвет моих глаз,
Мой смех и объятий тепло?

Как я тихо молился за нас,
Чтоб всё было у нас хорошо…

Алекс резко поднял глаза и посмотрел прямо на то место, где сидела Вальмира, и более проникновенно, почти шёпотом закончил:

Ты будешь вспоминать обо мне,
Когда я уйду на войну?
Если нет, попрошу об одном:
Сохрани похоронку мою.

Аббатисе резко стало нечем дышать, в горле застрял ком, а глаза наполнились слезами. Николета испуганно вздрогнула, когда Вальмира резко поднялась с места и под шум аплодисментов направилась в уборную, в порыве чувств позабыв о маскировке. Алекс послал своей публике воздушный поцелуй, объявил музыкантов, покинул сцену и свернул в тот же коридор, что и аббатиса. Последняя вместе с нагнавшей её Николетой прошмыгнула через чёрный выход на улицу и сказала:

— Возвращайся в церковь, сестра. Если ты вернёшься первой, то у других меньше шансов заподозрить меня...

Алекс догнал обеих, но за руку удержал только Вальмиру:

— Не так быстро! Стоять!

Николета побледнела, а Вальмира только махнула ей рукой:

— Не стой, сестра, иди же! Всё в порядке.

— Вы уверены? — прищурилась монахиня.

— Ещё как уверена, — ответил вместо Вальмиры Алекс, сверля подругу испытующим взглядом. — Со мной она как под юбкой у Светлоликой.

Николета недовольно поморщилась от его сравнения и стремительно бросилась в сторону церкви. Мужчина осторожно отпустил руку аббатисы, и между ними воцарилось молчание. Вальмира всё жмурилась в попытке остановить поток слёз, но каждый раз только снова и снова содрогалась в плаче.

— Штанишки — полный отпад! — улыбнулся Алекс. — А ведь я почти поверил…

— Что меня выдало? — обиженно буркнула та.

— Знаешь, нужно быть полным идиотом, чтобы не заметить под мешковатой одеждой двух хорошеньких девушек. Или слепцом. *Слишком хорошеньких девушек.*

— Значит, в пабе собираются одни идиоты!

— Ну конечно, Мира! — посмеялся друг. — И как ты только сразу это не поняла?

— Дурак ты, Алек!

Мужчина шагнул к ней, деликатно касаясь её локтя, и потянул за собой:

— Идём отсюда, пока кто-нибудь нас не заметил.

Она беспомощно засеменила рядом.

— А тебя не хватятся?

— Пусть считают, что я весь такой загадочный.

Вальмира улыбнулась, а потом остановилась и охнула:

— Мой платок! Я его потеряла...

— Будем надеяться, что не все такие глазастые ночью.

Несколько минут они шли молча. Девушка и не знала, что ночной город может быть таким прекрасным. Деревья, подсвеченные тёплым светом уличных фонарей, о чём-то шептались с ветром, а жёлтые листья поблёскивали, как камни янтаря. Аббатиса неожиданно оста-

новилась на набережной, коснувшись рукой деревянного бортика, и посмотрела на берег. В порту сонно покачивались корабли.

— Какая красота! — Она вдохнула морской воздух.

— Хочешь, спустимся? — предложил мужчина, любуясь её беззаботностью.

— Да ты что, я опоздаю в церковь!

— Мира, я не думаю, что тебе вообще стоит возвращаться сегодня в церковь.

— Что?

— Если там всё ещё так, как мне помнится, то ворота в сад, через которые вы выбирались, уже заперты.

«Святая Богиня Солнца, он прав! Надеюсь, Николету не поймали. Завтра обо всём её расспрошу...»

— Отличная память! — проворчала Вальмира, недовольно сложив руки на груди. — И что предлагаешь? Где ночевать благочестивой деве?

— В моей квартире благочестивых дев ещё не было.

Аббатиса помолчала, а потом покраснела и возмутилась:

— Ну уж нет!

— Я просто предложил, сама спросила! — Алекс поднял руки в знак капитуляции и начал спускаться к берегу. — Но если у тебя есть ещё варианты — то пожалуйста.

Девушка наблюдала за тем, как он свободно закуривает сигарету, снимает туфли и безмятежно гуляет по берегу, утопая стопами в песке.

— Какая тёплая осень, — тихо заметил мужчина. — Хм... Об осени я ещё не писал.

Вальмира сжала кулаки, закатила глаза и спустилась к нему:

— Ладно, переночую у тебя! Я бы всё равно не нашла места надёжнее...

Сигаретный дым ударил ей прямо в лицо, и она поморщилась. Алекс встал с другой стороны:

— Обожаю осень! Если бы осень была человеком, я бы пошёл на что угодно, чтобы она стала моей первой женщиной.

— Поэтично, — скептически заметила девушка. — Но осень — всего лишь время года, а твоей первой женщиной стала?..

Мужчина хитро улыбнулся, сбросив пепел с сигареты:

— Тебе правда такое интересно?

— Мне интересно, не против ли эта женщина, если я переночую у тебя.

Алекс немного помолчал, разглядывая её лицо, а потом почесал бровь и прищурился:

— Мира, ты сейчас серьёзно это спрашиваешь или просто так нагло издеваешься надо мной?

Она сжала кулаки, зажмурилась и шумно втянула в себя воздух, пытаясь унять волнение, а потом выдохнула и робко посмотрела на него:

— Прости меня, Алекс. Я впервые за о-о-очень долгое время вышла в город, да ещё и тайком, в этом дурацком прикиде. Столько эмоций и впечатлений, что мне... мне просто тяжело. Понимаешь?

Мужчина усмехнулся, разведя руками в стороны:

— Понимаю ли я? Ха! Милая, да я только ради этого и сбежал из церкви, если ты забыла!

Вальмира смущённо улыбнулась, глядя на него исподлобья. Ветер фривольно играл с его волосами, расстёгнутым на несколько пуговиц воротничком рубашки, сигарета медленно догорала между его пальцами, на которых ещё остались размазанные капли чернил. Он стоял расслабленно, пряча одну руку в кармане и утопая стопами в песке. От того семинариста, прячущего в кармане листок с четверостишием, не осталось и следа.

Девушка сделала неуклюжий шаг ему навстречу — морской шум и запах вскружили ей голову, а ноги будто налились свинцом. Алекс выбросил фильтр от сигареты, сунул в рот мятный леденец и предложил подруге локоть:

— У меня к тебе столько вопросов, Мира, ты не представляешь! Но я вижу, что ты хотела бы начать сначала. Как насчёт небольшой прогулки?

Вальмира взяла его под руку осторожно и неуверенно, будто он весь был сделан из паутины.

«Святая Богиня Солнца, что я делаю? Я же... я аббатиса, мне не пристало ходить под руку с мужчиной!»

— Вообще-то это неправильно... — прошептала она, но руку убирать не стала.

— Не бойся. Светлоликая не узнает, ведь сейчас она спит, — улыбнулся Алекс, ткнув пальцем в небо, а потом снял с нее шляпу и парик. — К тому же ты очень хорошо от неё спряталась. И всё-таки мне бы хотелось видеть рядом Вальмиру, а не немого смутьяна Уильяма.

— И давно ты знал? — улыбнулась та.

— Как только сестра Николета открыла рот. Она так напугалась, что обратилась ко мне «сэр», да ещё и с этим чудовищным эдельвейским акцентом! — Он басовито посмеялся. — Но нужно отдать ей должное — товарищ она надёжный.

— И не говори! — искренне согласилась с ним аббатиса, чувствуя невероятный прилив благодарности к сестре Николете. — Я многим ей обязана за сегодня. Кстати, ты поэтому заказал нам лимонад? Потому что узнал нас?

— Да.

— Было очень вкусно! «Алые паруса», оказывается, делают из розового сиропа.

— Я знаю.

Вальмира остановилась и тоже сняла обувь. Песок был тёплым, будто что-то грело его из-под земли.

— Ой, я и не думала, что он настолько тёплый! — Она пробежала немного вперёд и коснулась кромки воды. — И вода тёплая!

Алекс продолжал медленно идти вдоль берега, не сводя с её лёгкой фигуры глаз. Он раскусил леденец и, прищурившись, спросил:

— Что сподвигло тебя на такую опасную авантюру?

Она пожала плечами и ответила в его манере:

— Знаешь, скучно стало.

Но мужчина остался серьёзным. Он в несколько шагов догнал её, удержал за руку и нахмурился:

— Я серьёзно, Мира. Я хочу знать, ради чего такой опасный риск.

«Точно! Я ведь хотела вернуть ему кое-что! — Девушка машинально сунула руку в карман и погладила пальцами кожаную обложку. — Я рискую ради него же!»

— Алек, у меня кое-что есть для тебя...

— Чёрт, там какие-то школяры! — шикнул тот и засеменил в сторону набережной. — Идём, пока тебя не узнали!

— Верни мне мою шляпу!

— Эту дрянь? — Алекс легко отшвырнул соломенную шляпу в сторону. — Я бы не дал и трёх золотых за неё!

— А я заплатила триста амми[13]!

— Сколько?! — обернулся мужчина.

— Не останавливайся, двигай уже!

[13] Амми — официальная денежная единица королевства Аметист.

Алекс жил в достаточно спокойном районе. Вахтёрша на входе оторвалась от книги и посмотрела на молодых людей цепким взглядом. Затем лениво перелистнула страницу и вздохнула:

— Кто у тебя на этот раз, Александр? Студентка, медсестра, официантка или актриса?

Алекс загородил собой Вальмиру и с улыбкой ответил:

— Вы за кого меня принимаете? Она *профессионал!* Почта?

— Из типографии, как и всегда. — Женщина протянула ему внушительную папку жёлтого цвета, края которой еле-еле держал узелок на обложке. — Но у тебя, смотрю, на сегодняшний вечер занятие поинтереснее...

— Спасибо, миссис Ариан, вы просто ангел! — Мужчина всучил подруге тяжёлую папку и толкнул плечом в сторону лестницы. — Будь я постарше и побогаче, я бы посоревновался с мистером Арианом за ваше сердце!

— И непременно бы проиграл! Иди уже, малахольный!

Едва они перешли через порог, Вальмира обернулась, прожигая его взглядом:

— Ах, это я профессионал?! И что ещё за студентка?

— Как-то раз читал лекцию на факультете журналистики, ничего серьёзного...

— Медсестра? — подняла бровь аббатиса.

— У меня был сильный жар после зимней спартакиады. Я чуть не умер!

— Официантка!

— Женщины любят ушами, а я — поэт.

Девушка почувствовала жгучий укол обиды, злости и ревности. Алекс забрал у неё из рук папку, прошёл вперёд, обернулся и с улыбкой на губах сказал:

— Ну-с, добро пожаловать в мою холостяцкую нору! Уборная справа от тебя, кухня и гостиная объединённые. Предупреждаю: ночью я сплю мало, в основном работаю и часто хожу за кофе.

— А ты не устаёшь за ночь в таком режиме?

Тот задорно закатил глаза и указал на папку:

— Как будто моего начальника это волнует! О, и ещё: если всё-таки засыпаю, то могу иногда подхрапывать или бубнить. Такое редко случается, но если что — швырни в меня подушку.

Вальмира осторожно прошла в квартиру. Она была маленькой, но очень уютной. Кухня представляла собой три тумбы с одной раковиной, небольшой холодильник, на котором были приклеены разноцветные стикеры с напоминаниями помыть посуду, купить молока и не пить слишком много кофе. На газовой плите стоял чайник со свистком, а над плитой висела полка с самыми разными специями: куркума, кардамон, кориандр, корица, гвоздика, паприка, сухой чеснок, чили и винный уксус. На круглом деревянном обеденном столике лежали стопкой только бумажные салфетки.

В гостиной было два окна: одно выходило на улицу, где фонарями подсвечивались вывески, а другое — во двор, где шла какая-то стройка. Слева был разложен диван, на котором гармошкой собралась и без того мятая простыня, по центру комнаты у стены стоял рабочий стол, а справа высился комод с вещами и книжный стеллаж, на котором, помимо книг, хранились какие-то грамоты, медали и фотографии в рамках. Несмотря на небольшой повсеместный беспорядок, рабочий стол содержался в идеальном порядке. Алекс определенно обожал свою работу.

Мужчина подошёл к комоду, достал из верхнего ящика чистое постельное бельё, большое махровое полотенце, а из нижнего — белые штаны в светло-голубую полоску и такую же рубашку.

— Можешь пока занять ванную, — сказал он, снимая старую постель с дивана. — Горячая вода, к счастью, есть, шампунь и мыло тоже. Могу даже предложить тебе новую зубную щётку.

— Да, пожалуйста, — кивнула девушка, смущённо убирая прядь волос за ухо, и тихо добавила: — Я бы ещё выпила чаю...

— Конечно, Мира. Я пока поставлю чайник.

— Спасибо.

Она спряталась в ванной, но к собственному ужасу не обнаружила щеколду.

— Алек! — Вальмира выглянула из-за двери.

Мужчина обернулся и вопросительно поднял брови.

— У тебя дверь в ванную не запирается?

— Нет, прости. Замок был сломан ещё до моего въезда, а чинить я его не стал — живу ведь один. Но есть надёжный, старый способ...

Он взял судомойку, привязал её концы к дверной ручке с двух сторон и улыбнулся:

— Ну вот!

— Спасибо!

— Ерунда. Грязную одежду лучше выброси, — Алекс поморщился, — она вся в саже, к тому же напрочь пропахла «Макабром», а завтра я найду что-нибудь для тебя из своих вещей.

Вальмира кивнула и снова скрылась в ванной. Мужчина постелил ей на диване, а на полу разложил спальный мешок для себя. Когда-то из типографии Поднебесной пришёл запрос на статью о долосе[14], которого их король передал заповеднику в горной деревне в Аметисте. Поднебесная прислала двух корреспондентов, а Алекс вместе с коллегой Эдди должны были сопровождать их. Дорога в заповедник занимала не один день, приходилось ночевать под открытым небом, так как поблизости не было ни гостиницы, ни деревушки. Тогда спальный мешок очень выручил.

«Никогда бы не подумал, что он снова мне пригодится!» — улыбнулся мужчина.

Он сел за свой стол и обречённо посмотрел на папку с черновиками статей и набросками для детского журнала, выпускать который предложила Софи, чтобы привлечь новых читателей через их детей. В ванной послышался шум воды. Алекс сначала молча прислушивался к нему, а потом накрыл лицо ладонями и тихо рассмеялся.

«Итак, в моей квартире, как чётко подметила миссис Ариан, очередная женщина. Не студентка, не медсестра, не кто-то ещё, а сама аббатиса! Или... или моя подруга? Нет, не так: в моей квартире *моя первая любовь,* и я не имею права смотреть на неё как на женщину! — Он откинулся на спинку стула и с улыбкой прикусил нижнюю губу. — Это почти то же самое, что закрыть евнуха с сотней наложниц! Стоп, о чём это я? Надо собраться с мыслями...»

Алекс напряжённо помассировал виски, открыл папку и начал бегать глазами по текстам, которые ему приложили для правки. Но как бы он ни пытался сосредоточиться, его мысли всё равно возвращались к Вальмире: к её бунтарскому, мальчишескому образу, к её звонкому смеху и горьким слезам. Он приоткрыл окно, сунул в рот сигарету, поджёг её и крепко затянулся.

«Точно! Она так и не сказала, из-за чего затеяла весь этот маскарад!»

На кухне засвистел чайник. Мужчина кинулся к плите, прихватил горячую ручку полотенцем и снял чайник с огня. Затем он достал две кружки, колбасу, сыр, хлеб из холодильника, сделал сэндвичи и слегка подогрел их на сковороде с двух сторон. Сыр расплавился, хлеб зарумянился, и квартира наполнилась приятным ароматом.

Вальмира вышла из ванной и неуклюже потопталась на месте с полотенцем в обнимку. В руках она держала какую-то книжку в чёрной обложке. Алекс встретился с ней взглядом и улыбнулся, выдвигая стул для неё:

---

[14] Долос — крупное (до 2 метров в холке) лошадеподобное животное с бородой, шерстистыми копытами и львиным хвостом, славившееся нежнейшим мясом и целебным молоком. Вид официально признан вымершим, а последняя живая особь находится в аметистском заповеднике и строго охраняется.

— Пижама великовата, зато ночью не замёрзнешь. Присаживайся, я приготовил сэндвичи. Прости, ничего посытнее на данный момент не нашлось...

— Пахнет потрясающе! — Девушка села, и он поставил перед ней кружку горячего чая. — Перестань постоянно извиняться, Алек.

Мужчина сел напротив и усмехнулся:

— Волнуюсь немного. Никогда бы не подумал, что однажды ты придёшь ко мне в гости, да ещё и с ночёвкой.

— Но ведь здесь до меня уже кто-то был.

«Ну и дура! — осеклась аббатиса, постепенно краснея. — Он про то, что я священница, а не просто какая-то женщина...»

Алекс не нашёлся с ответом, нервно улыбнулся и занял свой рот сэндвичем, а Вальмира решила перевести тему:

— Сильвио обмолвился, что среди твоих стихов есть один, посвящённый матери. Ты общаешься со своими родителями?

Мужчина покачал головой:

— Они перестали со мной общаться практически сразу же, как узнали о том, что я отрёкся. После ухода из церкви я, как и любой ребёнок в отчаянии, пошёл к ним, но выслушал только тонну упрёков от отца и истерик от матери. Тогда я принял решение полностью сепарироваться от них. Иногда вижу их в городе, но они делают вид, будто меня не знают.

— И как же ты жил один? И где? — удивилась подруга, выпучив на него глаза. — Тебе ведь было всего шестнадцать!

— Нашёл дешёвую квартиру, она была раза в два меньше этой, договорился с арендодателем, что заплачу за неё вдвойне в следующем месяце. И после этого я брался за любую доступную шестнадцатилетнему мальчишке работу: разгружал товарные вагоны и корабли, был официантом, уборщиком, грузчиком, где-то везло даже в картах, ха-ха! Так и выжил. Однажды на подработке в «Макабре» я прочитал бармену парочку своих стихов, и он предложил мне отнести их в типографию. Неделя, вторая, третья, месяц — и вот я незаметно подружился с корректорами и редакторами, которые приходили туда отдыхать. Знаешь, — Алекс улыбнулся, почесав бровь, — я многим обязан нашему главному редактору, мистеру Янну. Он не только смог разглядеть во мне талант, но ещё и воплотить мои мечты в реальность. С его помощью я поступил в академию, закончил факультет журналистики и стал репортёром.

У Алекса буквально сияли глаза, когда он рассказывал о своих друзьях, работе и стихах, и девушка была очень рада за него. Мужчина подпёр подбородок рукой, бегло скользнув взглядом по её бордовым волосам, небрежно заплетённым в косу, и спросил:

— Так ты расскажешь мне, почему сегодня вдруг предпочла «Макабр» вечерней молитве?

Девушка кивнула и ответила:

— Если позволишь, буду откровенной: я вспоминала твои последние несколько дней в церкви. Я скучаю по дням, когда мы могли с тобой видеться чаще, даже несмотря на запреты, скучаю по твоей болтовне, по ароматной клубнике, завёрнутой в комжу, по той скамье в саду... И если честно, я до сих пор виню себя за произошедшее. То, что я увидела в ту ночь, потрясло меня до глубины души и навсегда отпечаталось в памяти...

Алекс нервно потёр шею, отвел взгляд и вздохнул:

— Мира, в том не было твоей вины. Да и столько времени пр...

Вальмира положила ладонь поверх его руки:

— Позволь мне закончить.

Тот замер:

— Хорошо. Продолжай.

— Ты отрёкся от Светлоликой, стал всё реже и реже посещать церковь, и я почувствовала, что между нами образовалась пропасть, Алек. Мне стало страшно. Понимаешь, — её голос предательски дрогнул, — я очень дорожу нашей дружбой. Кроме тебя, у меня больше никого не было в этой церкви, до сих пор нет и вряд ли когда-нибудь будет. Я решила поискать что-то, что бы напомнило мне о тебе, и...

— И-и-и? — поднял брови Алекс.

— Даже не знаю, как ты отреагируешь...

— Ну же, что ты там нашла?

Вальмира положила на стол блокнот в чёрном переплёте и пододвинула его ближе к мужчине.

— Молитвенник? Фу, я даже это в руки не возьму...

— Алек, ну какой молитвенник?! — покраснела та. — Прошу, открой и полистай!

Друг с улыбкой закатил глаза, открыл блокнот, пробежался глазами по первым попавшимся строчкам и тут же захлопнул его, соскочив с места.

— Не-е-ет...

— Да!

— Не может быть!

— Это он, твой блокнот! — Вальмира подошла к нему, перевернула несколько страниц и указала на строчки, выведенные корявым почерком. — Смотри: «Под светлым нимбом Светлоликой...»

Лицо Алекса вытянулось в восторге, как у ребёнка, которому подарили что-то, о чём он давно мечтал. Он ласково погладил пальцами буквы, названия стихов и улыбнулся:

— Чёрт возьми, Мира... Где же он всё это время был?

— В библиотеке с изъятыми вещами провинившихся семинаристов. О, если бы ты только знал, как я обрадовалась, когда нашла его! — воскликнула девушка. — Я-то ведь его так и не почитала тогда.

Мужчина отрывисто посмеялся, прижимая к груди раскрытый блокнот, и Вальмире даже показалось, что его глаза заискрились от счастья.

— Ха-ха, как же я был хорош!

Улыбка медленно растаяла на губах аббатисы. Она коснулась его пальцев и заставила закрыть блокнот. Ей безумно нравилось его касаться: его руки были грубыми, сухими, но тёплыми.

— Ты и сейчас бесподобен. Тот стих, что ты прочитал сегодня последним... он уничтожил меня.

Алекс легко отложил блокнот и заглянул ей в глаза:

— Я заметил.

— Ты ещё как назло посмотрел прямо на меня! Ты это специально?

— Врать не буду — да. Я помню наш разговор в церкви накануне. У меня и в мыслях не было как-то задеть или подколоть тебя, нет. — Он аккуратно, по-джентльменски сжал её белые пальчики в своих ладонях. — Я просто хотел показать, что если такая вопиюще недопустимая, непростительная и бесчеловечная катастрофа действительно случится, не только у меня, Мира, — у многих просто не будет выбора.

— То есть ты уже подсознательно согласился пойти на гибель?! — болезненно поморщилась Вальмира. — «Сохрани похоронку мою...» — в жизни не слышала просьбы чудовищнее, а ведь я аббатиса, Алекс! — Её голос и руки задрожали, глаза заблестели от слез. — Иногда меня просят отпустить кому-то страшные грехи. Я... я бы не хотела, чтобы единственной вещью, которая напоминала бы мне о тебе, была похоронка!

— Мира, ты чего? — улыбнулся мужчина, когда она скривила гримасу горечи. — Это же просто стих!

— Нет! Это... это мои чувства! Я боюсь войны, даже если она происходит в другом королевстве! Ещё больше я боюсь, если кто-то из дорогих мне людей окажется втянут в неё! Но мне дорог только один человек, и ты, зная об этом, посмел произнести такие страшные строки, глядя прямо мне в глаза! — Слёзы снова покатились по её щекам. — Я... я не могу...

Алекс прижал её к себе, касаясь щекой её макушки, и она совсем расплакалась. Он был в таком недоумении, что не сразу нашёлся со словами.

«А чему я удивляюсь? Я ведь изначально думал о ней, когда писал этот стих... — Он позволил себе скользнуть руками по её плечам. Какой же хрупкой она была в его пижаме! — Её тоже можно понять. После моего ухода из церкви она осталась одна с таким тяжёлым грузом обязанностей...»

Вальмира обхватила руками его талию и прошептала:

— У тебя так сердце бьётся... Не каждый день видишь, как девушка плачет?

— Ты ведь не просто девушка, которая плачет. Ты...

— Естественно! Аббатиса!

— ...Моя подруга, я хотел сказать.

Алекс прикрыл веки, мысленно призывая сердце немедленно успокоиться, а потом мягко отстранился и стёр с её щёк слезы:

— Прости меня, Мира. Я и не знал, что такое безобидное стихотворение способно вызвать у тебя такую бурю чувств. Ты потрясающая. Я навечно благодарен тебе за это. Ну всё-всё, не плачь...

Он ласково взял её за руку и увёл в гостиную. На белых простынях играли лучики света от вывесок. Вальмира опустилась на колени, сложила руки в молебном жесте и упёрлась локтями в диван. Алекс с улыбкой отвернулся к комоду, стягивая с себя рубашку, напрочь пропахшую табаком.

— Святая Дева Солнца, благослови этот чудесный дом и его хозяина за гостеприимство, — зашептала Вальмира, — за еду, за чистые одежды. Сделай так, чтобы судьба благоволила Твоему сыну, и... — она покосилась в сторону друга, — прости ему его жизнь греховную...

— Греховную? — поднял брови мужчина.

— Ты, видимо, гордишься своим послужным списком страстного любовника. Никто за тебя, кроме меня, не попросит...

— Я молодой и горячий. Сама Светлоликая подо мной сошла бы с ума.

Вальмира тихо ахнула, резко поднялась и посмотрела на него с таким возмущением, что Алекс на мгновение вспомнил Патрицию и её тяжёлую руку, сжимающую розгу. Мороз пробежался по его спине.

— Богохульник! Как ты... Да как ты смеешь?! — Лицо девушки налилось краской. — Изыди!

Мужчина посмеялся, отмахнулся от её молитвы, как от детской песенки, и ушёл в ванную. Вальмира легла в постель, погасила свет и зажмурилась, пытаясь унять бешеное сердцебиение. Простыня под ней неожиданно стала колючей, как будто она лежала на крошках. Мысль о том, что на этом диване какая-то студентка лежала в обнимку с Алексом и слушала его стихи, выедала душу изнутри. Девушка поворочалась пять минут, отвернулась к стене, диван издал короткий скрип, и она тут же соскочила с него, как с горячей печи.

«Снова я послушала сердце, а не голову! Какая мерзость! Надо было оставаться непреклонной и возвращаться в церковь. — Она обняла себя за плечи, меряя шагами комнату и нервно поглядывая на диван. — Но я просто не смогла противостоять обаянию Алекса. Купилась, как студентка и медсестра! Вот же дура... Сейчас бы спала в своём чистом и непорочном ложе и плакала бы, вспоминая этот его чёртов стих о войне!»

— Ты почему не спишь? — послышалось у неё за спиной.

— Перевозбудилась. Столько произошло за день...

Алекс вышел на балкон и повесил оба полотенца сушиться. Вальмиру будто ударило током, она невольно покосилась на его спину, но не успела ничего разглядеть, так как мужчина остановился напротив и сказал:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.